Король шрамов

От автора бестселлера «Шестерка воронов»

Ли Бардуго

Миры Ли Бардуго. Grishaverse

Ли Бардуго

Король шрамов

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-4

Бардуго Л.

Король шрамов / Л. Бардуго — «Издательство АСТ», 2019 — (Миры Ли Бардуго. Grishaverse)

ISBN 978-5-17-114497-5

У Николая Ланцова всегда был этот дар: верить в невозможное и делать невозможное реальностью. Никогда не жаловаться и не сдаваться. Никто не знает, как он смог выстоять в кровавой гражданской войне, разразившейся на родине юного короля. Теперь, когда враги собираются у границ ослабленной внутренними распрями Равки, перед неунывающим молодым человеком стоят новые задачи: пополнить казну, найти союзников и возродить некогда великую армию гришей – людей с магическими способностями. Николай готов рискнуть всем, чтобы спасти страну, даже если для этого придется вытащить на свет секреты, которым лучше оставаться похороненными, и разбередить раны, которые никогда не заживут…

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-17-114497-5

© Бардуго Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Утопающий 7
1 7
2 13
3 21
4 34
5 41
6 50
7 64
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Ли Бардуго
Король шрамов

Посвящается Морган Фахи: генералу – в военное время, советнику – в мирное; дорогой подруге и (почти всегда) милостивой королеве

Leigh Bardugo
KING OF SCARS
Печатается с разрешения литературных агентств New Leaf Literary & Media, Inc и Andrew Nurnberg.
Grishaverse logo and Grishaverse monogram used on cover and spine with permission.
™ and © 2017 Leigh Bardugo. All rights reserved.
На обложке использованы изображения по лицензии Shutterstock.com

Copyright © 2019 by Leigh Bardugo
Jacket art © 2019 Leigh Bardugo. All right reserved.
© Н. Сечкина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

ГРИШИ́

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ

МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(ОРДЕН ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ)

СЕРДЦЕБИТЫ
ЦЕЛИТЕЛИ

ЭФИРЕАЛЫ
(ОРДЕН ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ)

ШКВАЛЬНЫЕ
ИНФЕРНЫ
ПРОЛИВНЫЕ

СУБСТАНЦИАЛЫ
(ОРДЕН ФАБРИКАТОРОВ)

ПРОЧНИКИ
АЛКЕМЫ

Утопающий

1
Дима

Дима первым услышал, как стукнули ворота хлева. Кухня маленького деревенского домика бурлила, точно похлебка на огне; воздух был нагретым и влажным, окна наглухо закрыты – снаружи неистовствовала буря. От громких голосов дрожали стены: Димины братья горланили, перебивая друг дружку, мать напевала и притопывала ногой в такт незнакомой ему песне. На коленях у нее была разложена отцовская рубаха – порванный рукав туго натянут. Игла часто, неритмично клевала ткань, словно воробей рассыпанное зерно, нить белым червячком вилась меж пальцев.

Дима был младшим из шестерых сыновей, последышем. На свет он появился много после того, как доктор, посещавший деревню каждое лето, объявил его матери, что детей у нее больше не будет. «Нечаянная радость», – любила повторять мать, прижимая Диму к груди и ласково гладя по голове, когда остальные уходили работать. «Лишний нахлебник», – презрительно кривился старший брат Петр.

Балагуря друг с другом, братья попросту не замечали маленького, щуплого Диму, так же как забывали о нем во время жарких семейных споров. Вот почему тем осенним вечером, домывая в лохани плошки, оставленные ему братьями, зловещий глухой стук услыхал только он. Дима стал тереть еще усерднее, чтобы поскорее закончить и спрятаться под одеялом прежде, чем кому-нибудь придет в голову послать его за порог, в темноту. Ветер усилился и перешел в сердитый вой; Молния, дворовая собака, заскулила под дверью, выпрашивая объедки и теплый угол.

Ветки царапнули по стеклу. Мать вскинула голову, и вокруг ее рта глубже проступили скорбные морщинки. Женщина сурово сдвинула брови, точно собиралась наказать ветер, лишив его ужина.

– Зимы нынче приходят рано и долго не уходят, – промолвила она.

– Хм-м-м, – отозвался отец, – прямо как ваша мать, ребята.

Мать пнула его носком башмака.

На ночь она оставила за старой железной печкой кружечку кваса – подношение домашним духам, хранителям очага, которые присматривали за хозяйством и спали в теплом подпечье. Во всяком случае, мать в это верила. Отец лишь недовольно морщился, досадуя, что она зря переводит добрый напиток.

Дима знал: после того как все уснут, Петр выхлебает квас и умнет кусок медовой коврижки, завернутый в чистый холст. «Призрак прабабки тебе отомстит», – грозил ему Дима, но Петр лишь утирал губы рукавом и отвечал: «Призраков не существует, дуралей. Бабу Галину съели кладбищенские черви, и то же самое ждет тебя, если не научишься держать рот на замке».

Неожиданно оказавшись рядом, Петр больно пихнул младшего брата в бок. Дима часто гадал, не делает ли тот специальных упражнений, чтобы локти были еще острее.

– Слышишь? – спросил Петр.

– Не слышу я ничего. – У Димы упало сердце. Хлев.

– Там кто-то есть. Кто-то или что-то разгуливает посреди бури.

А, брат просто хочет его напугать.

– Не мели ерунды, – буркнул Дима, в душе испытав облегчение.

– Слушай, слушай, – не отставал Петр.

Порыв ветра сотряс крышу, в очаге взметнулся сноп искр. За гудением бури Диме почудился еще какой-то звук, далекий и пронзительный, похожий на вой голодного зверя или жалобный детский плач.

– Когда над кладбищем дует ветер, в могилах просыпаются *маленечки*, духи младенцев, умерших неокрещенными. Просыпаются и выходят на охоту. Крадут свежие души, чтобы в обмен выторговать себе пропуск на небеса. – Петр наклонился и ткнул Диму пальцем в плечо. – Они всегда забирают самых младших.

Диме уже исполнилось восемь, так что в эти байки он не верил, и все же его взгляд невольно скользнул к темному окну и залитому лунным светом двору, где ветер гнул и раскачивал деревья. Мальчуган вздрогнул. Он готов был поклясться: на миг, всего на краткий миг, там мелькнула тень, черное пятно размерами гораздо больше птицы.

Петр расхохотался и брызнул на него мыльной водой.

– Честное слово, ты с каждым днем становишься все дурнее! Кому нужна твоя жалкая душонка?

«Петр злится просто потому, что до твоего рождения младшим был он, – говорила Диме мать. – Постарайся быть к нему добрее, хоть с возрастом он и не поумнел».

Дима старался как мог, но порой ему очень хотелось хорошенько пнуть Петра под зад – чтобы брат почувствовал на себе, что такое унижение.

Ветер стих, и в наступившей тишине все отчетливо расслышали, как хлопают ворота хлева.

– Кто не запер хлев? – задал вопрос отец.

– Сегодня Димина очередь обходить двор, – невинно заметил Петр, и четверо остальных братьев, сидевших за столом, закудахтали, словно растревоженные куры.

– Я закрывал, – возмутился Дима. – Я крепко задвинул засов.

Отец откинулся на спинку стула.

– По-твоему, стук мне мерещится?

– Он, поди, думает, это призраки, – фыркнул Петр.

Мать оторвала взгляд от шитья.

– Дима, сходи запри ворота, – сказала она.

– Ладно уж, давайте я схожу, – притворно вздохнул Петр. – Всем известно, как наш Дима боится темноты.

Это проверка, догадался Дима. Отец ждет, что младший сын справится сам.

– А вот и не боюсь, – заявил он. – Сейчас пойду и закрою.

Не обращая внимания на довольную ухмылку Петра, Дима вытер руки, натянул кафтан и шапку. Мать протянула ему жестяную лампу.

– Беги скорей, – она подняла воротник кафтана, чтобы Диме не продуло шею. – А потом я посижу с тобой, расскажу перед сном сказку.

– Новую?

– Да, интересную новую сказку о северных русалках.

– А волшебство в ней будет?

– Сколько угодно. Ну, поспеши.

Дима скосил глаза на икону Санкт-Феликса над дверью: дрожащее пламя лампы бросало отблески на скорбный лик святого, чей взор был полон сочувствия, словно тот знал, как холодно на улице. Феликса проткнули кольями, вырезанными из яблоневых сучьев, и заживо изжарили на костре всего через несколько часов после того, как он явил чудо, заставив сады цвести. Он не стонал и не кричал, лишь попросил жителей деревни перевернуть его, чтобы огонь доставал и до другого бока. Феликс бы не испугался бури.

Стоило Диме ступить за порог, как ветер рванул дверь у него из рук. Мальчик захлопнул ее и услышал лязг крюка с той стороны. Конечно, он понимал, что так надо, что это всего на минутку, однако все равно не мог отделаться от ощущения, что наказан. Оглянувшись на светящиеся окна, Дима заставил себя спуститься по ступенькам крыльца на утоптанный двор, и его охватила жуткая мысль: семья забыла про него, как только он покинул безопасное тепло кухни, и, если он не вернется, никто о нем даже не вспомнит. Ветер выдует Диму из памяти родных.

Он изучил взглядом длинную, залитую лунным светом часть двора, которую ему предстояло преодолеть: чтобы добраться до хлева, где держали старого мерина Герасима и корову Матильду, нужно пройти мимо курятника и сарая для гусей.

– Стальные дисковые лезвия, – прошептал он, коснувшись рукой новенького плуга, словно это был талисман на удачу. Дима точно не знал, чем так хороши дисковые лезвия, просто именно эти слова отец с гордостью повторял соседям, когда привезли плуг, и Диме нравилось их веское звучание. Споров насчет плуга в семье велось немало, как и насчет того, к добру или к худу все эти сельскохозяйственные реформы, которые затеял король.

– Скоро разразится очередная гражданская война, – ворчала мать. – Наш король слишком опрометчив.

Отца, наоборот, все устраивало.

– О чем беспокоиться, если в доме все сыты, а крышу недавно перекрыли? В этом году мы впервые собрали урожая больше, чем требуется на прокорм семьи, и смогли продать излишки.

– Это лишь потому, что король урезал назначенную князем Радимовым десятину! – горячилась мать.

– Так что же нам теперь, горевать?

– Придется еще погоревать, когда князь со своими дружками-аристократами прирежут короля прямо в постели.

– Король Николай – герой войны! – махал рукой отец, словно все заботы можно было отогнать, как дым. – А без поддержки армии переворота не будет.

Каждый вечер родители переливали из пустого в порожнее, обсуждая одно и то же. Дима почти ничего не понимал, усвоив только, что должен молиться за молодого короля.

Гуси в сарае беспокойно гоготали и хлопали крыльями – то ли их всполошила непогода, то ли неуверенные шаги Димы. Впереди стучали на ветру большие деревянные ворота хлева, распахиваясь настежь, захлопываясь и снова распахиваясь. Постройка будто бы тяжело дышала, а дверной проем напоминал огромный рот, готовый втянуть в себя мальчика одним вдохом. Диме нравилось в хлеву, но только днем, когда солнечные лучи проникали сквозь щели в крыше, пахло душистым сеном, Герасим тихонько всхрапывал, а Матильда порой обиженно мычала. В темноте, однако, хлев казался пустой оболочкой, норой монстра, хитрой твари, нарочно распахнувшей двери, чтобы заманить внутрь глупого мальчишку. Дима точно помнил, что закрывал ворота, нисколько в этом не сомневался! Ему невольно вспомнились *маленечки*, о которых говорил Петр, мелкие призраки, что рыщут в поисках невинной души.

Хватит, одернул себя Дима. Это Петр отпер ворота, чтобы младшенькому пришлось либо тащиться на холод, либо выставить себя трусом. Но Дима доказал отцу и братьям, что не трус! Он поежился от ветра и поднял воротник повыше, но, тем не менее, мысль эта его обогрела.

Он вдруг понял, что больше не слышит тявканья Молнии. Когда Дима выходил, собака не крутилась под дверью, не пыталась прошмыгнуть в дом.

– Молния! – окликнул он. Ветер подхватил его голос, унес вдаль. – Молния! – повторил мальчик самую капельку громче: а вдруг его услышит кто-нибудь еще, кроме собаки?

Шаг за шагом Дима пересек двор. По земле метались тени деревьев, за лесом белела широкая лента дороги, что вела в город, прямо к церковному кладбищу. Дима не решился

смотреть на нее. Слишком легко вообразить, как, роняя комья кладбищенской земли, по этой дороге неуклюже волочит ноги мертвец в истлевшем саване.

Где-то среди деревьев раздалось жалобное тявканье. Дима взвизгнул от ужаса. Из мрака на него уставились желтые глаза. Свет лампы упал на черные лапы, лохматую шерсть, обнаженные клыки.

– Молния! – выдохнул мальчик, радуясь, что буря заглушает все остальные звуки. Он бы просто не вынес, если бы братья услышали его позорный вопль, выскочили во двор и увидели, что он испугался собственной псины в кустах. – Иди сюда, девочка, – позвал он.

Вжавшись брюхом в землю и пригнув уши, Молния не двинулась с места. Дима оглянулся на хлев. Поперечная жердь, которая служила засовом и должна была удерживать ворота закрытыми, валялась на земле, разбитая в щепки. Откуда-то изнутри доносилось приглушенное влажное сопение. Может, в хлев пробрался раненый зверь? Волк?

Золотистый свет окон казался невероятно далеким. Наверное, лучше вернуться за помощью, подумал Дима. Никто ведь не ждет, что он в одиночку пойдет на волка. Но что, если в хлеву никого нет – или там прячется безобидный кот, которого загнала туда Молния? Тогда не только Петр, но и остальные братья поднимут его на смех.

Шаркая, Дима поплелся к хлеву. Лампу он держал перед собой на вытянутой руке. Дождавшись, пока ветер утихнет, мальчик крепко ухватился за тяжелую створку, чтобы та его не ударила.

Внутри царила темнота, и лишь сверху проникали тоненькие полоски лунного света. Дима осторожно шагнул вперед. Вспомнил добрые глаза Санкт-Феликса, острый яблоневый кол, пронзающий сердце святого. А потом снова ударил ветер, точно непогода, бравшая передышку, вернулась с новой силой. Ворота за спиной Димы захлопнулись, жидкий свет лампы дрогнул и погас.

Снаружи бесновалась буря, однако в хлеву было тихо. Скотина не издавала звуков, словно застыв в ожидании. Дима чувствовал кисловатый запах животного страха, перебивавший аромат сена, но был и другой запах. Так пахло, когда к праздничному столу забивали гусей: это был горячий медный запах крови.

Уходи, сказал он себе.

Во мраке что-то шевельнулось. Дима заметил отблеск лунного света – как если бы сверкнули глаза, – а потом от темноты в углу хлева отделилась тень.

Мальчик попятился, прижимая к груди бесполезную лампу. Он разглядел лохмотья, некогда, очевидно, бывшие дорогой одеждой, и на долю секунды у него вспыхнула надежда, что перед ним бродяга, решивший переждать в хлеву непогоду. Однако для человека тень двигалась слишком плавно, бесшумно и близко к земле, словно крадущийся зверь. Дима пискнул: тень скользнула к нему. Глаза – черные зеркала; от кончиков когтистых пальцев вверх по рукам расходились ручейки темных вен, точно существо окунуло эти руки в чернила. Ореол окружавшей его тьмы как будто пульсировал.

Беги, приказал себе Дима. *Поднимай крик*. Он вспомнил гусей, доверчиво подходивших к Петру. В считаные секунды брат сворачивал им шеи – птицы не успевали издать ни звука. Глупые, сердился тогда Дима, но сейчас он их понимал.

Существо – темный силуэт – выпрямилось во весь рост, и за его спиной развернулись два огромных крыла, края которых клубились завитками, словно дым.

– Папа! – попытался крикнуть Дима, но возглас, сорвавшийся с его уст, был не громче вздоха.

Монстр замер, как будто слово показалось ему знакомым. Склонив голову набок, прислушался. Дима сделал шажок назад, потом еще один. Существо метнуло взгляд на мальчика, а в следующее мгновение нависло прямо над ним. В тусклом лунном свете Дима рассмотрел темные пятна на груди и вокруг рта монстра. Кровь, догадался он.

Существо подалось вперед, втянуло ноздрями воздух. Вблизи оно походило на юношу с вполне нормальными, человеческими чертами лица, но стоило ему растянуть губы, как в уголках рта обнажились длинные черные клыки.

Оно ухмылялось. Чудовище ухмылялось, предвкушая скорое пиршество. По ноге Димы поползла теплая струйка, и он понял, что обмочился. Монстр прыгнул.

Ворота за спиной мальчика распахнулись: буря отвоевала право на вход. Раздался оглушительный треск, резкий порыв ветра оторвал когтистые лапы от земли и швырнул крылатое существо к дальней стене. От удара деревянные доски разлетелись в щепки, существо сползло на пол бесформенной кучей.

В хлев широким шагом вошла фигура в обтрепанной серой куртке. Девушка, чьи длинные черные волосы развевались на странном ветру. Луна озарила ее лицо, и Дима зарыдал еще сильнее, потому что такая красавица не могла быть обычным человеком, а это означало, что она – святая. Он умер, и святая пришла за ним, чтобы сопроводить в лучший мир.

Девушка, однако, не склонилась над ним, не заключила в объятья, не обратилась со словами молитвы или утешения. Вместо этого она выставила перед собой руки и двинулась на монстра. Святая-воительница, понял Дима, такая же, как Санкт-Юрис или Санкта-Алина из Каньона.

– Берегись, – шепнул мальчик, опасаясь, что существо разорвет ее на части, – у него… большие зубы.

Но святая не ведала страха. Пнув монстра носком сапога, она перевернула его на бок. Придя в себя, существо свирепо оскалилось, и Дима крепче вцепился в лампу, словно хрупкий предмет мог послужить щитом.

Несколько ловких движений, и святая заковала руки существа в толстые наручники. Резко дернула цепь, принуждая пленника подняться. Монстр опять злобно клацнул зубами, но девушка даже не поморщилась, а просто щелкнула его по носу, как расшалившегося щенка.

Он зашипел, тщетно пытаясь вырваться; раз-другой взметнул крылья, стараясь сбить противницу с ног, но та крепко зажала цепь в кулаке одной руки, а другую выбросила вперед. Новый порыв ветра ударил монстра в грудь, распластав по стене хлева. Существо рухнуло на колени, затем неуклюже поднялось на ноги. Шатаясь, оно все же удерживало вертикальное положение и в этот момент до странности походило на человека – прямо как папа, когда поздним вечером возвращается из таверны, подумалось Диме.

Святая потянула цепь, что-то бормоча. Монстр снова зашипел: вокруг обоих закружился мощный вихрь.

Она не святая, осенило Диму. Девушка – гриш, солдат Второй армии. Шквальная – та, что способна управлять ветрами.

Сняв с шеи широкий платок, девушка обмотала им голову и плечи существа и повела своего сопротивляющегося пленника из хлева. Проходя мимо Димы, она бросила мальчику серебряную монету.

– За ущерб, – сказала шквальная, и в лунном свете ее глаза сверкнули, как драгоценные камни. – Ты ничего не видел, ясно? Не болтай, иначе в другой раз я не стану держать его на поводке.

Дима закивал, чувствуя, как по щекам снова покатились слезы. Девушка недоуменно вздернула бровь. Мальчик еще никогда не видел столь прекрасного лица – прекраснее, чем на иконах, – и таких глаз: синих, словно воды самой глубокой реки. Она кинула ему еще одну монету, и на этот раз Дима успел поймать ее в воздухе.

– Это – только тебе. Братьям не показывай.

Проводив шквальную взглядом, Дима заставил себя сдвинуться с места. Ему хотелось вернуться домой, подбежать к маме и уткнуться ей в юбки, и все же он не мог уйти, напоследок еще раз не посмотрев на девушку-гриша и пойманного ею монстра. Парнишка пошел

за ними, стараясь ступать как можно тише. В темноте у обочины, залитой лунным сиянием дороги, стоял огромный экипаж. Возница, с ног до головы одетый в черное, спрыгнул на землю и ухватился за цепь, помогая пленнику забраться внутрь.

Несмотря на приятную тяжесть холодившего ладонь серебра, Дима решил, что все это ему снится. А как иначе, если вместо того чтобы, как полагается герою истории, прикрикнуть на монстра: «А ну, полезай, зверюга!» или «Больше ты никому не причинишь вреда!», возница произнес совсем другие слова. Из глубокой тени, которую отбрасывали раскачивающиеся сосны, Диме послышалось: «Ваше величество, не ушибите голову».

2
Зоя

Внутри экипажа невыносимо разило кровью. Зоя зажала нос рукавом, но затхлая вонь грязной шерсти оказалась не лучше.

Гадость какая. Мало того что она в глухую ночь вынуждена мотаться по равкианской глуши в тряском наемном экипаже, так еще и в этих обносках! Нет, так не пойдет. Она яростно сбросила с себя куртку. Запах плесени успел впитаться в синий шелк вышитого кафтана, и все же Зое стало легче.

Находясь в десяти милях от Ивца и почти в ста милях от безопасных стен столицы, они неслись по узким пустынным дорогам, которые должны были привести их обратно в усадьбу князя Радимова, принимавшего у себя торговый съезд. Молиться Зоя не привыкла, поэтому оставалось лишь надеяться, что никто не заметил, как Николай удрал из своих покоев и взмыл в небо. Дома, в Ос Альте, такого бы не произошло. Она считала, что все необходимые меры предосторожности приняты, но как же сильно ошибалась!

Стучали конские копыта, колеса громыхали и подскакивали на ухабах, а сидящий в экипаже король Равки скрежетал острыми, как кинжалы, зубами и рвался с цепи.

Зоя держалась на безопасном расстоянии. Она видела, к чему приводят укусы Николая, когда он в таком состоянии, и вовсе не желала лишиться конечности, а то и пострадать еще сильнее. В глубине души ей очень хотелось попросить Толю или его сестру Тамару, личных охранников короля, побыть вместе с ней в экипаже, пока к Николаю не вернется человеческий облик. Их отцом был шуханский наемник, выучивший близнецов драться, а мать – гришом-сердцебитом; и оба унаследовали ее дар. Присутствие любого из них оказалось бы сейчас кстати, но Зою удержала гордость. Кроме того, это лишнее унижение для короля. Достаточно и одного свидетеля его мук.

Снаружи завывал ветер. Звук, больше похожий на громкий, раскатистый смех старого друга, нежели на вой дикого зверя, гнал вперед. Ветер исполнял все, чего хотела Зоя, с самого ее детства, однако в такие ночи, как эта, девушке невольно казалось, что ветер ей не слуга, но верный союзник: буря поднялась нарочно, чтобы заглушить злобное рычание существа и шум борьбы в старом хлеву, посеять тревогу на улицах и в сельских тавернах. Это все Адезку – западный ветер, бедокур и отличный спутник. Даже если тот деревенский мальчишка на каждом углу станет рассказывать о том, что видел, жители Ивца спишут все на Адезку, злого озорника, который швыряет женщин в постель соседа и вихрем проносит в мужских головах дурные намерения, будто сухие листья.

Милю спустя рычание в экипаже утихло, цепь перестала лязгать: существо стремилось забиться подальше в тень. Наконец хриплый голос с явным трудом произнес:

– Полагаю, ты вряд ли захватила для меня чистую рубашку?

Зоя подняла с пола рюкзак и достала оттуда чистую белую рубашку и отороченный мехом кафтан – то и другое отлично пошитое, но сильно измявшееся, – подходящий наряд для короля, который кутил всю ночь напролет.

Николай молча выставил перед собой закованные запястья. Длинные когти втянулись, однако на руках все еще темнели тонкие линии – они появились три года назад, в конце гражданской войны. Чтобы скрыть их, король часто носил перчатки. Зря, считала Зоя. Шрамы служили напоминанием о пытках, которым Николай подвергся в плену у Дарклинга, и той цене, что пришлось ему заплатить наравне с его страной. Разумеется, это лишь часть истории, но для равкианцев достаточно и этого.

Зоя расстегнула наручники массивным ключом, который носила на шее. Ей показалось, что в последнее время шрамы на руках Николая проступали четче, будто бы не хотели бледнеть.

Избавившись от наручников, король стянул с себя порванную рубашку. Смочив льняное полотенце водой из протянутой Зоей фляги, смыл кровь с груди и лица, потом плеснул на ладони и намочил шевелюру. По плечам и шее заструились ручейки. Николая бил озноб, и все же теперь он выглядел самим собой: взор ореховых глаз ясен, влажные золотые волосы откинуты со лба.

– Где ты нашла меня на этот раз? – осведомился он, почти уняв дрожь в голосе.

Зоя наморщила нос, припоминая.

– На гусиной ферме.

– Надеюсь, не на самой захудалой, – сказал Николай, возясь с непослушными пуговицами рубашки. Пальцы все еще дрожали. – И много из-за меня пострадало живности? – «Или людей», повисла в воздухе невысказанная часть вопроса.

Зоя отвела трясущиеся руки Николая и сама застегнула все пуговицы. Сквозь тонкую хлопковую ткань чувствовался ночной холод, леденивший кожу.

– Из тебя вышел бы отличный камердинер, – пробормотал он, но Зоя знала, как ненавидит король эти мелкие услуги, как стыдится своей слабости, из-за которой вынужден принимать чужую помощь.

Понимая, что сочувствие его только унизит, она резко произнесла:

– Ты передушил целое стадо гусей и, кажется, разодрал чью-то клячу. – Но все ли это? Зоя понятия не имела, что мог натворить монстр, прежде чем его посадили на цепь. – Совсем ничего не помнишь?

– Только обрывки.

Значит, надо ждать донесений о жертвах и задранной скотине.

Проблемы начались полгода назад, когда Николай пришел в себя на каком-то поле почти в тридцати милях от Ос Альты – в синяках и крови. Он совершенно не помнил, как покинул дворец и чем занимался всю ночь.

– Видимо, я ходил во сне, – объяснил он Зое и остальным членам Триумвирата, с опозданием явившись на утреннее совещание. На его лице алела длинная царапина.

Известие их встревожило и одновременно привело в недоумение. Толя и Тамара не позволили бы Николаю так легко сбежать.

– Как тебе удалось мимо них проскользнуть? – спросила Зоя, пока Женя заживляла царапину, а Давид рассуждал о сомнамбулизме.

Если Николай и был обеспокоен, то ничем этого не выдал.

– У меня уйма талантов, – пожал плечами он. – В том числе способность выбираться из любого заключения.

Приказав поставить на дверях своей спальни новые замки, Николай предложил Триумвирату вернуться к насущным делам и, в частности, к известию о странном землетрясении в Раевости, после которого из расселины в земле выпорхнули тысячи серебристых колибри.

Спустя месяц с небольшим Толя, читавший книгу у дверей королевской опочивальни, услышал звон разбитого стекла. Ворвавшись в комнату, он увидел, как Николай выпрыгнул из окна, а за его спиной развернулись дымчато-черные крылья. Толя разбудил Зою, и они вдвоем отыскали короля – сняли с крыши амбара в пятнадцати милях от дворца.

После этого Николая стали приковывать на ночь к кровати, благо прислуге входить в королевскую спальню запрещалось. В конце концов, его величество был героем войны и страдал ночными кошмарами. Каждый вечер Зоя заковывала своего правителя, а утром освобождала, надежно храня секрет. Правду знали лишь Толя с Тамарой и члены Триумвирата. Если только кто-нибудь пронюхает, что король Равки по ночам обездвижен, Николай моментально

превратится в идеальную мишень для убийц. Того и жди государственного переворота, не говоря уже о том, что Ланцов просто-напросто станет посмешищем.

Вот почему поездки создавали дополнительный риск. С другой стороны, не сидеть же королю вечно за стенами Ос Альты.

– Правитель должен выезжать за пределы дворца, – заявил Николай, приняв решение возобновить путешествия по стране, – иначе он будет выглядеть не монархом, а заложником.

– Для решения вопросов на местах есть эмиссары, – возразила Зоя. – Твои представители и посланники.

– Боюсь, народ забудет, какой я красавец.

– Вряд ли. Твой прекрасный лик отчеканен на всех монетах.

Николай, однако, оставался непреклонен, и Зоя не могла не признать, что отчасти он прав. Его отец совершил ошибку, передав бразды правления подчиненным, и поплатился за это. Следует поддерживать баланс, считала Зоя, между осторожностью и риском, хоть это и весьма утомительно. После того как ей удалось убедить в этом короля, проблем в жизни поубавилось.

Путешествовать с полным сундуком цепей Николай и Зоя не могли: любопытные слуги все подмечали. Чтобы проводить ночь в постели и не выпускать чудовище наружу, за пределами дворца Николай полагался на мощное снотворное.

– Же́не придется готовить более сильный состав, – заметил он, натягивая кафтан.

– Можно просто не выезжать из столицы, чтобы не рисковать зазря.

Пока что монстр охотился только на скот, и нанесенный им ущерб ограничивался задранными овцами и коровами. Однако ясно было, что нападение на человека – вопрос времени. Чем бы ни было то, что гнездилось в теле Николая по злой воле Дарклинга, оно требовало большего, нежели плоть животных.

– С последнего раза прошла всего неделя. – Он поскреб щеку. – Я думал, у меня в запасе больше времени.

– Твое состояние ухудшается.

– Люблю, когда ты начеку, Назяленская. Постоянное волнение волшебным образом улучшает цвет лица.

– Пришлю тебе благодарственную открытку.

– Да уж, не забудь. Ты буквально сияешь.

Хорохорится, подумала Зоя. Чем сильнее уставал Николай, тем щедрее был на комплименты. Она и вправду отлично выглядит, несмотря на жуткую ночь, и все же королю ее внешность глубоко безразлична – это Зоя знала точно.

Снаружи раздался резкий свист; экипаж замедлил ход.

– Подъезжаем к мосту, – сообщила Зоя.

На торговом съезде в Ивце король Равки собирался провести крайне важные переговоры с Керчией и Новым Земом; вдобавок деловые вопросы служили отличным прикрытием истинной цели путешествия: Николай намеревался лично побывать на месте, где, по слухам, недавно произошло чудо.

Неделю назад жители Ивца отмечали праздник Санкт-Григория и толпой шли за украшенным лентами тарантасом князя Радимова. Люди стучали в барабаны и играли на лирах – чествуя инструменты, с помощью которых великомученик Григорий укротил диких лесных зверей. Когда шествие подошло к Оболу, деревянный мост над речной быстриной обвалился, но прежде чем князь и его вассалы рухнули в бурлящий горный поток, под их ногами вырос другой мост – возник прямо из глубины, из острых каменистых стен ущелья. Зоя слухам не верила, считая их выдумками или даже массовой галлюцинацией, пока не увидела все своими глазами.

Дорога плавно повернула, и Зоя выглянула в окошко экипажа. Впереди показался мост: его стройные высокие опоры и длинные балки в лунном свете отливали молочной белизной. Хотя Зоя уже переходила реку по этому мосту вместе с Николаем, зрелище до сих пор вызывало у нее восторг. Издали казалось, будто бы он сделан из алебастра, и только вблизи становилось ясно, что мост вовсе не каменный.

Николай покачал головой.

– Мне как человеку, который то и дело превращается в монстра, едва ли пристало говорить о прочном положении, и все же, как думаешь – эта штука нас выдержит?

– Не уверена, – призналась Зоя, стараясь не обращать внимания на тугой комок в животе. Проходя по мосту ночью в компании близнецов, она была целиком поглощена поисками Николая и о надежности конструкции не задумывалась. – Но другого пути через ущелье нет.

– Пожалуй, стоило бы освежить в памяти молитвы.

Как только экипаж въехал на мост, громыхание колес сменилось ровным «тыр-тыр-тыр». Сооружение, сказочным образом поднявшееся из пустоты, было не из камня, дерева или кирпича. Белые пролеты и балки на самом деле представляли собой кости и хрящи, соединявшиеся крепкими, как канаты, пучками сухожилий. *Тыр-тыр-тыр*. Экипаж ехал вдоль позвоночника.

– Что за дурацкий стук, – поморщилась Зоя.

– Согласен, – кивнул Николай. – Чудо должно сопровождаться более благородными звуками – например, колокольным звоном или хором небесных голосов.

– Не называй это так, – отрезала Зоя.

– Ты про небесные голоса?

– Я про чудо. – В детстве Зоя вознесла достаточно тщетных молитв, чтобы усвоить: святые на них не отвечают. Мост – наверняка дело рук гришей; наверняка есть рациональное объяснение тому, зачем он появился, и это объяснение она обязательно найдет.

– А как еще называть мост из жил и костей, который возник в нужное время и спас от смерти целый город?

– Не было там целого города.

– Хорошо, половину города.

– Это просто неожиданность.

– Люди решат, что твое определение не соответствует масштабу чуда.

Мост действительно был чудом, изящным и гротескным одновременно; переплетением балок и воздушных арочных дуг. С момента его появления на обоих концах моста день и ночь сидели паломники. Когда экипаж проезжал мимо, никто из них не поднял головы.

– Тогда как называть землетрясение в Раевости? – задал вопрос Николай. – Или кровавые слезы, которыми заплакала статуя Санкты-Анастасии под Цемной?

– Бедой.

– По-прежнему думаешь, что это сотворили гриши? Используя *парем*?

– А как еще построить такой мост или вызвать землетрясение словно по заказу?

Юрда-парем. Лучше бы Зое никогда не слышать этого названия. Вещество появилось в шуханской лаборатории в результате экспериментов. Порошок многократно усиливал ключевую способность гриша, превращал ее в нечто совершенно новое и смертельно опасное, однако цена этого кратковременного триумфа была высока: привыкание – и в итоге смерть.

При помощи парема какой-нибудь беглый фабрикатор мог бы сотрясти землю, а корпориал – создать из скелета мост, но зачем? Может, Шухан использует гришей-рабов, чтобы посеять в Равке хаос? Может быть, Апрат, считающийся духовным наставником короны, тоже с этим связан? Пока что он лишь уверял, что продолжает неустанно молиться и намерен снарядить паломничество к местам событий. Зоя с самого начала не доверяла священнику и была убеждена: если тому под силу устроить «чудо», то и спектакль вокруг него он сумеет разыграть к своей выгоде.

И все же главный вопрос, который привел их в Ивец, заключался в следующем: связаны ли загадочные происшествия в Равке с темной силой, гнездившейся внутри Николая? Странности примерно сходились по времени с ночными превращениями короля. Возможно, это лишь совпадение, однако в Ивце Зоя и Николай рассчитывали найти подсказки – ниточки, которые помогли бы Ланцову избавиться от влияния монстра.

Мост закончился, и вновь послышалось привычное слуху громыхание колес по грунтовой дороге. Ощущение – как будто чары рассеялись.

– Сегодня нам придется выехать из поместья Радимова, – произнес Николай. – Надеюсь, никто не увидит, как я хлопаю крыльями над полями.

Зоя хотела согласиться, но потом передумала: раз уж они отправились в эту поездку…

– Я могу удвоить дозу Жениного зелья. Переговоры продлятся еще один день.

– Пускай с делами разбирается Ульяшин, а я хочу назад в столицу. У нас есть образцы материала, из которого сделан мост. Покажем их Давиду, вдруг да найдет что-нибудь, что пригодится нам против моего…

– Недуга?

– Незваного гостя.

Зоя устало закатила глаза. Николай говорил так, будто ему докучает сварливая тетушка. Впрочем, у них есть важная причина задержаться в Ивце. Зою раздражала дорога и этот новоявленный мост, пугали опасности, но при этом она понимала, что на торговом съезде Николаю выпадет хороший шанс – в лице некоего Хайрема Шенка и двух его дочерей на выданье.

Она побарабанила пальцами по обитому бархатом сиденью. Как действовать дальше? Лучше всего устроить «случайное» знакомство короля с девицами Шенк – так, чтобы он не догадался о вмешательстве Зои. Николай не любит, когда ему указывают, и, если почувствует давление, сделается упрямее… самой Зои.

– Говори, Назяленская. Когда ты так поджимаешь губы, кажется, будто ты только что занималась любовью с лимоном.

– Повезло лимончику, – фыркнула Зоя и разгладила на бедрах кафтан. – Хайрем Шенк приехал в Ивец вместе с семьей.

– И?

– У него две дочери.

Николай рассмеялся.

– Так ты поэтому согласилась поехать? Чтобы меня сосватать?

– Нет, не поэтому. Кто-то же должен следить, чтобы ты никого не слопал, когда твой *незваный гость* слегка проголодается среди ночи. Я не заботливая мамаша, которая спит и видит, как бы женить драгоценного сыночка, я пытаюсь уберечь твой трон. Хайрем Шенк – влиятельный член Торгового совета, он может практически гарантировать Равке отсрочку в погашении керчийских займов, не говоря уже об огромном наследстве, которое получит одна из его хорошеньких дочек.

– Насколько хорошеньких?

– Какая разница?

– Мне так точно никакой. Но два года, проведенные рядом с тобой, уязвили мою гордость. Не желаю всю оставшуюся жизнь наблюдать, как другие мужики пялятся на мою жену.

– Ты всегда можешь отрубить им головы.

– Мужикам или жене?

– Всем. Только сперва наложи лапу на приданое.

– Ты жестокая.

– Практичная. Если мы задержимся еще на день…

– Зоя, я не могу ухаживать за девушкой, зная, что она рискует стать моим ужином.

– Ты король, тебе не нужно ни за кем ухаживать. Трон, титул и драгоценности говорят сами за себя. А после свадьбы королева станет твоей союзницей.

– Или с воплями выбежит из будуара и расскажет папеньке, что супружеские ласки я начал с попытки отгрызть ей мочку, а потом и целое ухо. Еще и войну затеет.

– Не затеет. К тому времени, как вы обменяетесь брачными обетами, ты ее очаруешь, она влюбится без памяти, ну а дальше это уж ее забота.

– Зоя, даже *мои* чары не всесильны.

Ну, если и так, пускай девица сперва испробует их на себе. Зоя недоверчиво покосилась на короля.

– Красавец-супруг, который преподносит девушке корону и имеет привычку превращаться в монстра, – это же идеальная сказка для мечтательной барышни. По ночам она будет держать тебя под замком, а по утрам – нежно целовать, и в Равке воцарится покой.

– Зоя, а почему ты не целуешь меня нежно по утрам?

– Ваше величество, нежность мне не знакома. – Зоя тряхнула наручниками. – Почему ты колеблешься? Пока у тебя нет наследника, Равка уязвима.

Николай посерьезнел.

– Я не могу жениться в моем теперешнем состоянии. Не могу вступать в брак, основанный на лжи.

– Разве у большинства людей не так?

– До чего же ты романтична!

– Повторяю: практична.

– Давай на время отложим планы матримониального союза с Керчией. Нам нужно убраться отсюда прежде, чем Шенк начнет расспрашивать меня о *моросеях*.

Зоя чертыхнулась.

– Значит, близнецы не ошиблись насчет утечки информации из нашей старой лаборатории.

Моросеями назывались суда, способные передвигаться под водой. В условиях, когда Фьерда наращивает свой флот, моросеи – ключ к выживанию Равки, особенно если Николай сумеет вооружить их, как планирует.

– Похоже, что так. Но Керчия не знает, как далеко мы продвинулись в разработках, – по крайней мере пока.

Зою это не утешало. У Керчии и без того достаточно рычагов влияния на Равку. Если Шенк затронет тему моросеев, Николаю так легко от него не отделаться. Каким образом торговец хочет использовать новые сведения?

Снаружи вновь послышался резкий свист: двумя короткими сигналами Толя оповещал о приближении к воротам усадьбы.

Стражники, понятное дело, переполошатся, подумалось Зое. Никто не видел, как экипаж выезжал; королевского герба на нем не было. Толя и Тамара прятали его за пределами поместья как раз на тот случай, если Николай сорвется с привязи. Обнаружив пропажу, Зоя немедленно разыскала близнецов-телохранителей.

Этой ночью им повезло: короля удалось найти довольно быстро. Почувствовав, что он следует за ветром, она перемешала воздушные потоки, чтобы сбить беглеца с пути. И все-таки что было бы, опоздай она на ту ферму? Убил бы Николай мальчика? Существо внутри него не просто голодный зверь, а нечто гораздо более страшное, и оно – Зоя знала это совершенно точно – требовало человечины.

– Николай, дальше так продолжаться не может, – сказала она. В конце концов их тайну раскроют. Рано или поздно эти погони и бессонные ночи дадут о себе знать. – Каждый из нас должен следовать долгу.

Громыхание колес прекратилось, экипаж остановился. Николай со вздохом распростер объятья.

– Тогда иди ко мне, Зоя, и поцелуй меня нежно, как полагается невесте.

Прощайте, приличия. Поздние визиты Зои в королевскую опочивальню – убедиться, что Николай надежно заперт, – породили массу слухов о том, что ее связывает с монархом не только политика. У всех королей бывают любовницы, а предшественники Николая, как поговаривали, творили куда большие бесстыдства. Оставалось надеяться, что сестры Шенк – девушки широких взглядов; репутации короля не повредит немного скандальности, тогда как правда ее уничтожит.

Зоя достала из рюкзака вторую флягу и нанесла на кожу алкоголь, как наносят духи: мазнула за ушами, капнула на запястья и шею. Передала флягу Николаю; тот отхлебнул, а остатки щедро разбрызгал на одежду. Зоя растрепала волосы, приспустила кафтан с одного плеча и привалилась к груди короля. Маскарад был необходим, но играть роль было легко – порой даже слишком легко.

Николай зарылся носом в Зоины волосы, глубоко вдохнул.

– Как так получается, что от меня несет гусиным пометом и дешевым виски, а ты благоухаешь луговым разнотравьем?

– Такая вот я жестокосердная.

Николай снова втянул ноздрями воздух.

– Нет, правда, чем пахнет? Запах вроде знакомый, но вспомнить не могу.

– Может, последним младенцем, которого ты пытался съесть?

– Пожалуй, да.

Дверь экипажа распахнулась.

– Ваше величество, мы пропустили ваш поздний отъезд.

Лица стражника Зоя не видела, но явственно расслышала в его голосе подозрительные нотки.

– Ваш правитель не привык отчитываться и уж тем более спрашивать разрешения, – лениво, но с оттенком презрения ответствовал Николай – классический образец владыки, погрязшего в наслаждениях.

– Конечно, конечно, – забормотал стражник, – мы беспокоились исключительно за вашу безопасность, мой король.

В этом Зоя сомневалась. Западная Равка роптала из-за новых налогов и законов, введенных после объединения. Стражники, может, и носят эмблему двуглавого орла, но верность хранят князю, хозяину этого поместья и в недавнем прошлом ярому противнику Николая. Ясно же, что Радимов жаждет вызнать королевские секреты.

– Почему стоим? – произнесла Зоя самым капризным тоном, на какой была способна.

Интерес тех, кто стоял снаружи, моментально переместился.

– Значится, славная ночка выдалась? – Стражник едва не сунул голову в окошко экипажа, стараясь разглядеть, кто внутри.

Отбросив назад длинные черные волосы, Зоя протянула хрипловатым, сонным голосом женщины, хорошо покувыркавшейся в постели:

– О-очень славная.

– Она только с коронованными особами того-этого? – поинтересовался стражник. – Видать, горячая.

Николай заметно напрягся, решив, что Зою волнует мнение какого-то болвана. Ее это одновременно растрогало и раздосадовало. Впрочем, изображать благородство сегодня не было нужды. Бросив на стражника долгий взгляд, она промолвила:

– Даже не представляешь, насколько.

Хрюкнув, тот махнул рукой, пропуская экипаж.

Покачиваясь на сиденье, Зоя до сих пор ощущала едва заметную дрожь Николая – отголоски трансформации – и чувствовала, как ее саму накрывает усталость. Сейчас бы закрыть глаза, склонить голову ему на грудь и погрузиться в иллюзию неги… Однако цена этой слабости чересчур высока.

– Рано или поздно твоего монстра раскроют, – сказала она. – Нам не удалось найти средство против него или хотя бы подсказку. Вступай в брак. Заключай союзы. Обзаведись наследником. Обеспечь безопасное будущее своему трону и Равке.

– Обязательно, – вяло ответил Николай. – Обязательно все сделаю, только не сегодня. Сегодня давай притворимся скучной женатой парой.

Скажи такое любой другой мужчина, Зоя двинула бы ему в челюсть – или затащила в постель на пару часиков.

– И в чем это будет выражаться?

– Станем врать друг дружке, как все пары. Интересная игра получится. Начинай, женушка. Скажи, что я красавчик, что никогда не состарюсь и умру, не растеряв ни одного зуба. Заставь меня в это поверить.

– Вот еще.

– Ясно. Способностей к вранью у тебя сроду не было.

Зоя понимала, что Николай ее подначивает, но гордость все равно взыграла.

– Уверен? А вдруг перечень моих талантов такой длинный, что ты просто не добрался до конца?

– В таком случае, Назяленская, продолжай.

– Дражайший супруг, – слащаво проговорила Зоя, – известно ли тебе, что женщины в моем роду умеют предсказывать будущее по звездам?

Николай прыснул.

– Нет, не известно.

– А это так. Звезды поведали мне твою судьбу: ты будешь старым, толстым, счастливым отцом целой оравы невоспитанных ребятишек, и потомки сложат легенды и песни о твоей славной судьбе.

– Весьма убедительно, – кивнул Николай. – У тебя недурно выходит. – В экипаже надолго воцарилась тишина, нарушаемая только стуком колес. – А теперь скажи мне, что я выберусь из этой передряги. Скажи, что все будет хорошо.

Он произнес это шутливым тоном, однако Зоя прекрасно знала своего спутника.

– Все будет хорошо, – сказала она, вложив в эти слова всю свою уверенность. – Мы справимся с этой проблемой, как до того справлялись со всеми остальными. – Зоя искоса посмотрела на Николая: глаза закрыты, лоб мрачно нахмурен. – Ты мне веришь?

– Да.

Отстранившись от него, девушка поправила наряд. Ложь в отношениях между супругами неизбежна, а порой и необходима. Военачальник и король едва ли может позволить себе роскошь поверить в обман.

– Видишь? Ты тоже преуспел в этой игре.

3
Нина

Нина крепче стиснула нож, стараясь не обращать внимания на бойню, что творилась вокруг. Опустила взгляд на жертву, очередную беспомощно распластанную тушку.

– Прости, дружище, – пробормотала она на фьерданском. Вонзила нож в брюхо рыбы, резко провела вверх, к голове, сгребла влажную алую кашицу внутренностей и швырнула на грязные доски – потом это смоют водой из шланга. Вычищенная тушка отправилась в бочку слева. Носильщики заберут содержимое бочки на расфасовку, переработку или засолку. Нина понятия не имела, что там дальше происходит с рыбой, да ее это и не интересовало. После двух недель работы на консервной фабрике в гавани Эллинга она в рот не возьмет ничего, что от природы наделено чешуей или плавниками.

Представь, что ты лежишь в теплой ванне с вазочкой ирисок. А можно вообще целую ванну наполнить ирисками и лопать их сколько влезет. Здорово будет – полная ванна ирисок и вафельных крошек.

Нина тряхнула головой. Это место медленно сводило ее с ума. Руки сплошь в порезах и мелких ссадинах от неуклюжего обращения с филейным ножом; волосы пропитались запахом рыбы; от стоячей работы ломит спину. Нина стоит на открытом воздухе с рассвета до заката, и в дождь, и в жару – от непогоды ее защищает разве что мятый жестяной козырек. Однако во Фьерде для незамужних женщин работы найдется немного, так что Нина – под именем Милы Яндерсдат – охотно пошла на консервную фабрику. Работа изматывала, зато давала удобную возможность передавать сообщения через связного, а место среди бочек с рыбой, где она целый день стояла, служило отличным наблюдательным пунктом и позволяло следить за охранниками, патрулирующими гавань.

Сегодня их было много: там и сям в доках мелькала синяя униформа. *Kalfisk* – «кальмары» – называли их местные, потому что они повсюду совали свои щупальца. Эллинг стоял в устье реки Стельге – там, где она впадала в Исенве, – и на скалистом северо-восточном побережье Фьерды эта гавань была одной из немногих, открывавших выход в море крупным судам. Порт славился двумя вещами: контрабандой и рыбой. Здесь торговали сайдой, морским чертом, треской; из речных городов с востока сюда везли лосося и осетра, из холодных глубоких вод открытого моря доставляли гребнеголова и серебристую королевскую макрель.

Вместе с Ниной работали еще две женщины – вдовая хедьютка Аннабель и худая как щепка Марта, старая дева из Джерхольма, которая постоянно трясла головой, словно все вокруг ее раздражало. Их болтовня помогала Нине отвлечься, а кроме того, была ценным источником как слухов, так и достоверных сведений, хотя отличить первое от второго получалось не всегда.

– Говорят, капитан Биргир завел новую любовницу, – начинала Аннабель.

– Уж конечно, он может позволить себе содержать девок – такие-то взятки берет, – поджимала губы Марта.

– После того, как поймали тех «зайцев», патрули усилили, – сообщала Аннабель.

Марта цокала языком.

– Народу из Гефвалле все прибывает. Вода у старой крепости совсем испортилась.

Марта быстро покачивала головой туда-сюда, словно довольный пес – хвостом.

– Это знак, что Джель гневается. Надо отправить туда священника, пусть прочтет над водой молитвы.

Гефвалле. Один из городов на реке. Нина ни разу там не была и даже не слыхала о нем, пока не приехала во Фьерду вместе с Адриком и Леони два месяца назад по приказу короля Николая. Название города почему-то неизменно вызывало у нее легкое беспокойство, что-то вроде внутреннего вздоха, точно это было не просто слово, а начало магического заклинания.

Марта стукнула рукояткой ножа по деревянному прилавку.

– Старшина идет.

Хильбранд, цеховой старшина с суровым лицом, шел вдоль прилавков и подгонял носильщиков, требуя побыстрее убирать с дороги наполненные рыбой ведра.

– Опять копаешься, – рявкнул он на Нину. – Никогда рыбу не потрошила, что ли?

Представь себе, нет.

– Прошу прощения, сэр, – сказала она. – Я буду стараться.

Старшина рубанул ладонью воздух.

– Слишком медленно работаешь! Партия, которую мы ждали, уже прибыла. Переводим тебя в упаковочный цех.

– Да, сэр, – хмуро отозвалась Нина. Она сгорбилась и втянула голову в плечи, хотя на самом деле ей хотелось петь от радости. В упаковочном цехе платили значительно меньше, так что сейчас требовалось правдоподобно изобразить огорчение, однако Нина прекрасно поняла истинный смысл слов Хильбранда: наконец-то последняя группа беженцев-гришей благополучно добралась до Эллинга и находится в надежном месте. Теперь Нина, Адрик и Леони должны проводить семерых новеньких на борт «Отверженного».

Хильбранд повел ее обратно к корпусам фабрики. Нина шла вплотную за ним.

– Вам придется действовать быстро, – бросил он, не глядя на девушку. – Поговаривают, сегодня вечером заявится нежданная проверка.

– Ясно. – Это помеха, но они справятся.

– Еще кое-что, – продолжал старшина. – Сегодня дежурит Биргир.

Ну, разумеется. И внезапная проверка, несомненно, – его идея. Из всех «кальмаров» он – самый продажный, но в то же время самый хитрый и наблюдательный. Если нужно провезти легальный груз так, чтобы он не застрял на таможне на веки вечные, или незаметно провезти груз нелегальный, изволь дать на лапу Биргиру.

Человек без совести и чести, зазвучал в голове Нины голос Матиаса. *Ему должно быть стыдно.*

Она фыркнула себе под нос.

Если бы мужчины стыдились всякий раз, когда следует, у них не осталось бы времени ни на что другое.

– Я сказал что-то смешное? – нахмурился Хильбранд.

– Нет, просто холодно, – солгала Нина.

Грубоватая манера старшины заставляла ее сердце сжиматься: широкоплечий и угрюмый, он до боли напоминал Матиаса.

И ничуть он на меня не похож. До чего же ты упертая, Нина Зеник. Не все фьерданцы одинаковы.

– Ты в курсе, как Биргир поступил с теми «зайцами»? – осведомился Хильбранд. – Надеюсь, об осторожности напоминать не нужно?

– Не нужно, – ответила Нина. Вышло резче, нежели она хотела.

Она знает свое дело и понимает, что поставлено на кон. В первый же день, проведенный в доках, она видела, как Биргир и один из его молодчиков, Каспер, выволокли с китобоя мать и дочь и избили их до полусмерти. Капитан обмотал шею каждой тяжелой цепью и навесил таблички с надписью *дрюсье* – «ведьма». Потом он окатил обеих смесью жидкой грязи, помоев и рыбных потрохов и выставил на палящее солнце перед воротами гавани, привязав к столбу. Головорезы Биргера, ухмыляясь, смотрели на это зрелище, а тем временем вонь и надежда на поживу привлекли чаек. Всю смену Нина наблюдала, как женщина пыталась заслонить тело дочери своим, и слушала крики обезумевших от боли пленниц, чьи тела терзали клювы и когти чаек. Воображение рисовало Нине тысячу картин: вот она убивает головорезов Биргира на месте, вот снимает со столба мать и дочь и прячет их в укрытии… Можно украсть лодку.

Можно заставить капитана одного из судов вывезти женщин в море. Можно сделать *хоть что-нибудь*.

Но она слишком хорошо помнила, что сказала Зоя королю о работе Нины под прикрытием: «Она не умеет быть незаметной. Просить ее не привлекать внимания – все равно что просить воду не течь под гору».

Николай все же рискнул, доверив Нине важное задание, и она была полна решимости не подвести. Она выполнит миссию, не выдаст себя и не поставит под угрозу Адрика с Леони. По крайней мере, при свете дня. Сразу после захода солнца Нина проскользнула в гавань, чтобы освободить пленниц, но женщин уже не было. Куда их забрали? На какие мучения обрекли? Нина уже не считала, что самое страшное для гриша, попавшего в руки фьерданских солдат, – это смерть. Ярл Брум и его охотники на ведьм преподали ей хороший урок.

Нина шагала на фабрику вслед за Хильбрандом. Скрежет механизмов сверлил мозг, одуряющий запах соленой трески вызывал тошноту. Она не будет жалеть, что на время покинет Эллинг. Трюм «Отверженного» битком набит гришами, которым ее команда – точнее, команда Адрика – помогла спастись и добраться до Эллинга. После окончания гражданской войны король Николай направлял силы и средства на поддержку подпольной сети, которая существовала во Фьерде уже не один год. Эта сеть помогала гришам, тайно находившимся на территории Фьерды, бежать оттуда. Ее члены называли себя *Рингса* – в честь священного ясеня, древа Джеля. Нина знала, что Адрик уже получил от информаторов новые данные, и как только «Отверженный» благополучно выйдет в море и возьмет курс на Равку, Нина и остальные смогут отправиться в глубь страны на поиски других гришей.

Хильбранд привел ее в контору, запер за собой дверь и пробежал пальцами по дальней стене. Раздался щелчок, а потом открылась вторая, потайная дверь, выходившая на Фиксстраад, оживленную улицу, где шла торговля рыбой и где молоденькая девица могла ускользнуть от внимания портовой стражи, просто растворившись в толпе.

– Спасибо, – сказала Нина. – Скоро мы отправим к вам новую партию.

– Погоди. – Хильбранд придержал ее за локоть прежде, чем она шагнула на залитую солнцем улицу. – Помявшись, старшина выпалил: – Ты и вправду она? Та девушка, что одолела Ярла Брума и заставила его валяться в крови в доке Джерхольма?

Нина вырвала руку. Она сделала то, что должна была сделать, чтобы освободить друзей и не позволить фьерданцам раскрыть тайну парема. Однако победа, одержанная только благодаря парему, далась ей страшной ценой, изменив всю дальнейшую жизнь и даже природу ее магической силы.

Если бы мы не отправились к Ледовому Двору, был бы Матиас сейчас жив? Осталось бы целым мое разбитое сердце? Бессмысленные вопросы. Ни один из них не вернет Матиаса.

Нина пронзила Хильбранда испепеляющим взглядом, которому научилась у самой Зои Назяленской.

– Меня зовут Мила Яндерсдат, я молодая вдова, которая берется за разную работу, чтобы свести концы с концами, и надеется устроиться переводчицей. Какой идиот затеет ссору с командером Брумом? – Хильбранд открыл рот, но Нина продолжала: – И какой болван станет рисковать прикрытием, когда на кону столько жизней?

Развернувшись, Нина исчезла в людском море. Она чуяла опасность. Если действуешь под глубоким прикрытием, нельзя вести себя легкомысленно, Нина это знала. Однако знала и другое: одиночество порой заставляет совершать глупости, одинокий человек устает лгать и хочет просто поговорить. Хильбранд потерял жену – ее убили солдаты Брума, безжалостные дрюскели, натасканные на отлов и уничтожение гришей. После этого старшина стал одним из самых надежных агентов Николая во всей Фьерде. Нина не сомневалась в его преданности, тем более что и собственная безопасность Хильбранда зависела от того, насколько он будет осторожен.

Нине потребовалось меньше десяти минут, чтобы найти указанный Хильбрандом адрес. Это оказалась еще одна консервная фабрика, ничем не отличавшаяся от соседних построек, за исключением фрески на западной стене. На первый взгляд фреска изображала идиллическую сцену в устье Стельге: рыбаки забрасывают сети в море, а счастливые селяне наблюдают за ними в лучах заходящего солнца. Но если знать, что ищешь, то в гуще толпы можно увидеть беловолосую деву, чей силуэт, словно нимб, окружал солнечный диск. Санкта-Алина, заклинательница Солнца. Знак убежища.

На севере страны святые не пользовались особой популярностью, но потом Алина Старкова уничтожила Тенистый Каньон, и алтари в ее честь стали возводить далеко за пределами Равки. Фьерданские власти делали все возможное, чтобы задушить культ Солнечной святой, клеймя его как чуждую религию извне, но, несмотря на это, число ее приверженцев росло, словно цветы, взлелеянные в тайном саду. Предания о святых, их мученичестве и сотворенных ими чудесах стали своеобразным кодом для всех, кто поддерживал гришей. Роза – символ Санкты-Лизаветы, солнце – знак Санкты-Алины. Рыцарь, пронзающий копьем дракона, мог быть Дагром Отважным из детской сказки или Санкт-Юрисом, который уничтожил огнедышащее чудовище и погиб в пламени, извергнутом из пасти монстра. Особый смысл несли даже татуировки на руках Хильбранда, например узор из оленьих рогов. Похожий рисунок часто набивали северные охотники, но этот имел вид ошейника и символизировал мощный усилитель, амулет Алины Старковой.

Нина постучала в боковую дверь фабрики, и секунду спустя та распахнулась. Адрик впустил девушку; его хмурое лицо, усыпанное веснушками, было бледным. Юношу можно было бы назвать очень даже симпатичным, если бы не это вечно унылое выражение, из-за которого его лицо напоминало оплывшую свечу.

У Нины моментально заслезились глаза.

– Знаю, – безрадостно кивнул Адрик. – Это Эллинг. Подохнешь если не от холода, так от вони.

– Рыба так не воняет. У меня аж в глазах щиплет.

– Это щелок, тут его целые бочки. Видимо, в нем выдерживают рыбу. Что-то типа местного деликатеса.

Нина почти услышала негодующий возглас Матиаса: *Это вкусно! Мы подаем это блюдо на кусочках жареного хлеба.* Святые, как же ей без него плохо… Тоска вонзилась в сердце острым крюком. Боль не затихала никогда, но в такие моменты, как сейчас, казалось, будто кто-то схватил привязанную к крюку веревку и изо всех сил тянет ее на себя.

Нина набрала полную грудь воздуха. Матиас посоветовал бы ей сосредоточиться на задании.

– Они здесь?

– Здесь. Но есть проблема.

Адрик выглядел еще более подавленным, чем обычно, и это что-то да значило.

Сперва Нина увидела Леони, склонившуюся над деревянным ящиком, что стоял подле шеренги бочек и выполнял роль стола. У локтя девушки горела лампа, на лице, обыкновенно веселом и жизнерадостном, залегла суровая решимость. Кудрявые волосы были закручены в земенскую прическу, шоколадная кожа поблескивала от пота. На полу рядом с ней стоял раскрытый сундучок с рабочими материалами: бутылочками чернил, порошковыми красителями, свертками бумаги и пергамента. Странно: паспорта давно должны были быть готовы.

Нина все поняла, когда ее глаза привыкли к освещению и она увидела сбившихся в полутьме людей: бородатого мужчину в серовато-бурой куртке и глубокого старика с густой копной седых волос. Из-за них выглядывали два мальчугана, от страха таращившие глаза. Четверо беженцев. А должно быть семеро.

Леони вскинула голову, посмотрела на Нину, перевела взор на гришей и тепло улыбнулась.

– Не волнуйтесь, это друг.

Беженцев, похоже, ее слова не убедили.

– *Jormanen end denam danne näskelle*, – произнесла Нина традиционное фьерданское приветствие путникам. «Укройтесь от бури под этой крышей и будьте как дома».

– *Granem end kerjenning grante jut onter kelholm*, – по традиции ответил старик. «Счастливы войти в сей дом, куда несем одну лишь благодарность».

Нина надеялась, что это не так. Равке не нужна благодарность, Равке нужны гриши. Солдаты. Оставалось лишь гадать, как Зоя найдет применение этим рекрутам.

– Где еще трое? – осведомилась она у Адрика.

– Не пришли на встречу с проводником.

– Их арестовали?

– Возможно.

– Может, они передумали, – сказала Леони, открывая бутылочку с какой-то синей жидкостью. В любой ситуации она надеялась на хороший вариант развития событий, пускай даже самый маловероятный. – Нелегко расстаться со всем, что любишь.

– Легко, если от этого всего несет рыбой и отчаянием, – пробурчал Адрик.

– А что с документами? – осторожно спросила Нина.

– Стараюсь, – вздохнула Леони. – Ты сказала, женщины не путешествуют в одиночку, поэтому я сделала разрешения на семьи, а теперь у нас не хватает двух жен и дочери.

Плохо. Особенно сейчас, когда «кальмары» обыскивают доки. Но Леони – одна из самых талантливых фабрикаторов, что встречались Нине.

В последние несколько лет фьерданские власти начали строже охранять границы и запрещать своим гражданам покидать страну. В первую очередь это делалось, чтобы выловить беглых гришей, а кроме того, чтобы сократить поток отбывающих в Новый Зем в поисках теплого края и лучшей доли – тех, кто был готов перебраться на новое место, лишь бы не жить в постоянном страхе перед войной. Так же поступали многие равкианцы.

Неохотнее всего из Фьерды выпускали крепких мужчин и вообще всех, годных к военной службе, а изготовить фальшивое разрешение на выезд было практически невозможно. Для этого и потребовались услуги Леони – не просто художницы, умеющей подделывать документы, но фабрикатора, способного воспроизвести цвет чернил и текстуру бумаги на молекулярном уровне.

Нина вытащила из кармана чистый носовой платок и промокнула вспотевший лоб девушки.

– Ты справишься.

Леони покачала головой.

– Мне нужно больше времени.

– У нас его нет. – Нина сожалела, что пришлось произнести эти слова.

– А вдруг есть? – В голосе Леони прозвучала надежда. До того как перебраться в Равку на обучение, почти всю свою жизнь она провела в Новом Земе и, как большинство фабрикаторов, ни разу не видела настоящего сражения. Пока во главе Второй армии не встала Алина Старкова, фабрикаторов вообще не учили воевать. – Можно послать весточку команде «Отверженного», попросить подождать…

– Не получится, – возразила Нина. – Судно должно выйти из порта до заката. На сегодняшнюю ночь капитан Биргир запланировал один из своих «нежданчиков».

Протяжно вздохнув, Леони указала подбородком на мужчину в серовато-бурой куртке.

– Нина, нам придется выдать тебя за его жену.

Не лучшая идея. Нина проработала в гавани уже несколько недель и могла примелькаться. И все же риск этот оправдан.

– Как тебя зовут? – обратилась она к мужчине.

– Енок.

– Это твои сыновья?

Он кивнул.

– Да. А это мой отец.

– Вы все гриши?

– Только я и мальчики.

– Что ж, Енок, считай, тебе повезло с женушкой. Я люблю поспать подольше, а поработать поменьше. Если что, я предпочитаю левую половину кровати.

Енок растерянно заморгал, а его отец и вовсе остолбенел от такой дерзости. Благодаря стараниям Жени внешне Нина была почти неотличима от фьерданки, однако подражать скромным нравам северных женщин ей было куда сложнее.

Леони продолжала трудиться, Адрик тихонько разговаривал с беженцами. Нина старалась унять нетерпение и не мерить комнату беспокойными шагами. Что случилось с тремя другими гришами? Она подняла с пола не пригодившиеся разрешения – бесценные документы, которыми никто не воспользуется. Две женщины и шестнадцатилетняя девушка не явились в условленное место. Сочли, что жизнь в бегах, но на родной земле лучше неясного будущего на чужбине? Или попали в облаву? А может, они где-то рядом, испуганные и беспомощные? Нина изучила бумаги и нахмурилась.

– Эти женщины действительно были из Кеджерута?

Леони кивнула.

– Проще указывать настоящий город.

Отец Енока осенил воздух охранным знаком – старинным жестом, призванным смыть дурные мысли силой вод Джеля.

– В Кеджеруте часто пропадают девушки.

Нина поежилась: голова вновь наполнилась шелестом странных вздохов. Кеджерут расположен всего в нескольких милях от Гефвалле… Впрочем, скорее всего, это ничего не значит.

Она потерла руками плечи, прогоняя внезапный озноб. Зря Хильбранд напомнил ей про Ярла Брума. Нине пришлось пережить многое, но это имя до сих пор имело над ней власть. Она одержала победу над Брумом и его отрядом, а ее друзья взорвали к чертям его тайную лабораторию и выкрали самого ценного заложника. Для Ярла Брума это означало позор и разжалование, конец командованию дрюскелями и жестоким экспериментам с юрдой-паремом, которые ставились на пленных гришах. Однако Брум не только уцелел, но и по-прежнему оставался во фьерданской армии командиром самого высокого ранга. *Надо было убить его еще тогда*.

Нина, ты проявила милосердие. Никогда об этом не жалей.

Но милосердие – это роскошь. Матиас может себе это позволить, он ведь мертв.

С твоей стороны очень грубо об этом напоминать, любимая.

А чего ты ждал от девицы из Равки? Кроме того, я с Брумом еще не покончила.

Ты поэтому здесь?

Я здесь, чтобы похоронить тебя, Матиас, подумала Нина, и голос в голове умолк, как всегда бывало, стоило ей вспомнить о своей утрате. Она постаралась отогнать мысли о теле Матиаса, сохраненном благодаря мастерству фабрикаторов, завернутом в брезент и перевязанном веревками, как тюк на санях. Спрятанное за ящиками под грудой одеял, оно лежало в пансионе, где Нина снимала комнату. Она поклялась доставить Матиаса домой, предать тело земле в той стране, которую он так любил, чтобы его душа нашла путь к богу. Почти два месяца она возила за собой этот скорбный груз, возила мертвого Матиаса из города в город. Давно уже могла бы его похоронить и попрощаться навсегда, так что же мешало это сделать? Нина знала,

что Леони и Адрик не станут ее расспрашивать, однако участие в многомесячной похоронной процессии им едва ли по душе.

Мы должны найти подходящее место, любимая. Ты узнаешь его, как только увидишь.

Узнает ли? Или так и будет таскать Матиаса за собой, не в силах расстаться?

Вдалеке прозвонил колокол – сигнал к окончанию рабочего дня.

– Опаздываем, – заметил Адрик.

Леони не стала спорить, просто выпрямилась и сказала:

– Помоги подсушить чернила.

Адрик взмахнул рукой, магией шквального создав над бумагами поток теплого воздуха.

– Приятно быть полезным.

– Не сомневаюсь, ты очень пригодишься, когда мы соберемся запускать воздушного змея.

Леони и Адрик обменялись улыбками. Ощутив укол досады, Нина тут же одернула себя: необязательно, чтобы окружающим было так же плохо, как тебе.

Но когда они повели беженцев в доки и Адрик начал отдавать распоряжения, Нина вновь почувствовала нарастающее раздражение. Пускай формально он ее командир, но за время, проведенное в Кеттердаме, она разучилась подчиняться приказам.

Леони и Адрик направлялись к «Отверженному». Пара привлекала внимание, но в шумной толчее порта смотрелась вполне естественно: земенка и ее муж-торговец, супружеская чета, которую привели в гавань дела. Взяв Енока под руку, Нина вместе с детьми шла чуть позади, стараясь держаться на расстоянии.

Она чуть ссутулила плечи и попыталась сосредоточиться, однако лишь сильнее напряглась. В этом облике ей было неуютно. В Ос Альте Женя Сафина полностью преобразила ее, употребив для этого все свое мастерство. Нинины волосы теперь были прямыми, гладкими и почти белоснежными; разрез глаз стал у́же, зеленые радужки приобрели бледно-голубой цвет горного ледника. Скулы резче выделялись на лице, брови сделались гуще, рот – крупнее.

– Я выгляжу какой-то сырой, ненастоящей, – пожаловалась она, увидев в зеркале свою новую кожу – бледную до голубизны, точно снятое молоко.

– Ты выглядишь, как фьерданка, – невозмутимо ответила Женя.

Бедра Нины по-прежнему были крепкими, талия – широкой, зато Женя сдвинула назад ее уши, уменьшила грудь и даже изменила линию плеч. Переделка костей порой вызывала боль, но Нину это не волновало. Она больше не хотела быть той, кем была раньше, – девушкой, которую любил Матиас. Если Женя заново вылепит ее внешность, может быть, тогда и Нинино сердце смирится и войдет в новый ритм? Конечно же, этого не произошло. Фьерданцы видели перед собой Милу Яндерсдат, но это была все та же Нина Зеник, легендарная сердцебитка и не ведающая жалости убийца. Все та же девушка, которая обожала вафли и засыпала в слезах, когда ее рука тянулась к Матиасу и натыкалась на пустоту.

Мышцы Енока под пальцами Нины напряглись; у трапа «Отверженного» она увидела двух офицеров портовой стражи.

– Все будет хорошо, – пробормотала Нина. – Мы проводим вас на борт.

– А потом? – дрожащим голосом спросил Енок.

– Как только выйдем из залива, я и мои друзья на лодке вернемся на берег, а ты с семьей поплывешь в Равку, где вы будете жить свободно и без страха.

– У меня заберут детей? Отправят моих мальчиков в ту специальную школу?

– Только если захочешь, – промолвила Нина. – Мы не чудовища. Мы такие же люди, как и вы. А теперь молчи.

Часть ее безумно хотела прямо сейчас броситься назад, в безопасное укрытие: она увидела, что один из двоих стражников – это Каспер, главный головорез Биргира. Нина спрятала лицо в воротник.

– Земенка? – спросил Каспер, взглянув на Леони.

Девушка кивнула.

Каспер перевел взор на пустой рукав Адрика.

– Как это произошло?

– Несчастный случай на ферме, – на фьерданском отозвался Адрик. Язык он знал плохо, однако умел произносить отдельные фразы без равкианского акцента, а конкретно эту ложь повторял много раз. При виде подшитого рукава почти все интересовались, каким образом он лишился руки. Механический протез, который изготовил для него Давид Костюк, пришлось оставить в столице – слишком уж узнаваема была работа гришей.

Стража задавала им обычные вопросы: сколько времени они провели в стране, где побывали, что видели. Знают ли об иностранных шпионах, которые работают на территории Фьерды? По окончании допроса стражники небрежно махнули им, пропуская на борт.

Наступила очередь Енока. Напоследок Нина легонько стиснула его локоть, и мужчина шагнул вперед. Она видела капли пота, выступившие у него на висках, чувствовала дрожь в его пальцах. Нина охотно вырвала бы бумаги из рук Енока и сама передала бы их страже, если бы могла, но фьерданские женщины никогда не лезут вперед мужей.

– Семейство Гран. – Каспер неприятно долго вчитывался в бумаги. – Что это, контракты? Где собираетесь работать?

– На плантациях юрды под Кофтоном, – ответил Енок.

– Это тяжелый труд. Слишком тяжелый для старика.

– Отец и мальчики будут заняты в подсобном хозяйстве. Он хорошо управляется с иголкой и ниткой, а ребятки побегают курьерами, пока не подрастут для работы в поле.

Легкость, с которой лгал Енок, впечатлила Нину. Впрочем, если он всю жизнь был вынужден скрывать способности гриша, то врать ему приходилось часто.

– Контракты выбить не так-то легко, – задумчиво произнес Каспер.

– Мой дядя помог.

– И чем же ломовой труд в Новом Земе привлек того, кто много лет честно зарабатывал на хлеб во Фьерде?

– Будь моя воля, я бы жил и умер здесь, среди льдов, – воскликнул Енок с таким жаром, что Нина поняла: он говорит правду. – Но с работой плохо, а легкие моих сыновей не переносят холода.

– Всем сейчас нелегко. – Стражник повернулся к Нине. – А ты что будешь делать в Кофтоне?

– Шить, если найду заказы. Могу и в поле работать. – Нина опустила голову. Черт побери, она умеет хитрить, что бы там ни говорила Зоя. – Как велит супруг.

Каспер продолжал разглядывать бумаги, словно чего-то ждал. Нина подтолкнула Енока локтем. С таким видом, будто его сейчас вырвет, мужчина полез в карман, достал оттуда мешочек с фьерданскими монетами и протянул Касперу.

Стражник вздернул бровь, потом его физиономия расплылась в довольной ухмылке. Нина вспомнила, с каким выражением он смотрел на чаек, терзавших прикованных к столбу на солнцепеке женщин-гришей, на окровавленные птичьи клювы, к которым прилипли ошметки кожи и клочья волос.

Каспер махнул рукой.

– Да пребудет с вами Джель.

Однако не успели они ступить на трап, как сзади послышалось:

– Одну минуту!

Биргир. Ну что ж так не везет! Солнце еще не село, им должно было хватить времени. Отец Енока, стоявший на трапе рядом с Леони, заколебался; Адрик, глядя на Нину, едва заметно качнул головой. Посыл означал: *не поднимай шума*. Нина подумала об остальных гришах, набившихся в трюм «Отверженного», и прикусила язык.

Биргир встал между Каспером и вторым стражником. Для фьерданца он был низкорослым, с покатыми, как бычья холка, плечами. Мундир сидел на нем безупречно – скорее всего, предположила Нина, был пошит на заказ.

Стоя за спиной Енока, она шепнула мальчикам:

– Идите к дедушке.

Братья не двинулись с места.

– Мы все сильно утомились с дороги, – дружелюбно сказал Енок Биргиру. – Ребятишки уже хотели бы прилечь.

– Сперва посмотрю ваши бумаги.

– Мы только что показали их вашему человеку.

– У меня зрение получше будет, чем у Каспера.

– А как же деньги… – слабо запротестовал Енок.

– Что за деньги?

Каспер и его напарник пожали плечами.

– Знать не знаю ни о каких деньгах.

Енок неохотно протянул документы капитану Биргиру.

– Может, мы договоримся по новой? – предложил старик.

– Стой где стоишь, – приказал Биргир.

– Но наш корабль скоро отплывает, – робко проговорила Нина из-за плеча Енока.

Биргир бросил взгляд на «Отверженного», потом на мальчишек, беспокойно дергавших отца за руки.

– В море эти ребятки сами изведутся и всех изведут. – Он опять посмотрел на Енока и Нину. – Странно, что жмутся они не к матери, а к отцу.

– Им страшно, – объяснила Нина. – Вы их пугаете.

Холодный взор Биргира переместился на Адрика и Леони. Капитан хлопнул бумагами по обтянутой перчаткой ладони.

– Это судно никуда не уйдет. По крайней мере, пока мы не осмотрим его до последнего дюйма. – Биргир махнул Касперу. – Тут дело нечисто. Дай знать остальным.

Каспер потянулся за свистком, но прежде, чем он успел набрать воздуха, Нина выбросила вперед руку. Два острых обломка кости вылетели из ножен, пришитых изнутри рукава, – вся ее одежда имела такие «карманы». Дротики вонзились в трахею Каспера, из горла стражника вырвался свистящий хрип. Нина сделала быстрое движение, и заостренные обломки провернулись. Стражник рухнул на землю, схватившись за горло.

– Каспер! – Биргир и второй стражник полезли за оружием.

Нина толкнула Енока и детей себе за спину и прорычала:

– Быстро на борт. – «Не поднимай шума», да? Начала не она, но она будет той, кто это закончит.

– Я тебя знаю. – Биргир направил на нее ствол пистолета. Его взгляд был ясным и жестким, как речные камни.

– Смелое утверждение.

– Ты работаешь на консервной фабрике, потрошишь рыбу. Я сразу понял, что с тобой что-то не так.

– Со мной много чего не так, – не сдержала усмешки Нина.

– Мила, – предостерегающим тоном произнес Адрик.

Мила, Нина – какая теперь разница? Время уговоров и взяток прошло. Она больше всего любила именно такие моменты – когда слетали все маски.

Нина шевельнула пальцами. Костяные дротики выдвинулись из трахеи Каспера и исчезли в потайных ножнах на рукаве. Стражник корчился на земле, на его губах пузырилась кровавая пена; выпучив глаза, он хватал ртом воздух.

– Дрюсье, – с ненавистью прошипел Биргир. – Ведьма.

– Не нравится мне это слово. – Нина шагнула ближе. – Называй меня гришом, зовой или, если хочешь, смертью.

Биргир расхохотался.

– На тебя смотрят два ствола. Ты вправду рассчитываешь убить обоих, прежде чем один из нас спустит курок?

– Ты уже умираешь, капитан, – нежно проворковала Нина. Костяное оружие, изготовленное для нее фабрикаторами Ос Альты, придавало уверенности и бессчетное количество раз выручало из трудных ситуаций, и все же порой Нина чувствовала смерть, уже выбравшую свою жертву, – как, например, этого человека в мундире с начищенными пуговицами, что стоял перед ней, надменно задрав подбородок. При ближайшем рассмотрении он оказался моложе, чем думала Нина; золотистая щетина торчала неровными кустиками, словно капитан не мог отрастить нормальную бороду. Стоит ли сожалеть о нем? Нет, решила она.

Нина, с мягким упреком промолвил Матиас. В его голосе сквозило разочарование. Что ж, видимо, ей уготовано судьбой расправляться с фьерданцами в доках. Бывают судьбы и похуже.

– Ты ведь и сам знаешь, верно? – продолжала она. – Там, глубоко внутри. Твое тело тоже знает. – Она приблизилась еще на шаг. – Неотступный кашель. Боль, которую ты списываешь на ушиб ребра. Потеря вкусовых ощущений. – В угасающем свете дня Нина видела, как на лицо капитана легла тень страха. Это дало ей силу, а странные вздохи в голове зазвучали громче. Шепот нестройного хора нарастал, заглушив собой голос Матиаса.

– Ты служишь в гавани, – вела монолог Нина, – и сам видел, как легко крысы прогрызают стены изнутри. – Рука Биргира, сжимавшая пистолет, дрогнула. Он не сводил с нее глаз, сверлил взглядом, но не как стражник, а как человек, который хочет заткнуть уши, однако вынужден дослушать все до конца. – Враг уже поселился у тебя внутри, больные клетки медленно пожирают здоровые – там, в легких. В таком молодом возрасте это необычно. Ты умираешь, капитан Биргир, – негромко, почти по-доброму сказала Нина. – А я просто тебе помогу.

Капитан словно вышел из транса. Вскинул пистолет, но опоздал. Сила Нины уже проникла в скопление больных клеток, и смерть начала брать свое, множа эти клетки в чудовищном количестве. Биргир мог прожить еще год или два, но сейчас болезнь захлестнула его организм черной волной, сметающей все на своем пути. Капитан Биргир глухо застонал и рухнул. Его подчиненный среагировать не успел: Нина шевельнула пальцами, и ему в сердце вонзился костяной дротик.

В доках воцарилась странная тишина. Нина слышала плеск волн о борт «Отверженного», пронзительные крики морских птиц. Многоголосый шепот в ее голове усилился, почти возликовал. А потом сын Енока заплакал.

Какое-то мгновение на причале были только двое – Нина и смерть, два усталых путника, давних компаньона, – но теперь девушка заметила прикованные к ней взгляды. Беженцы-гриши, Адрик и Леони, даже капитан и экипаж – все смотрели на нее, столпившись у леера. Возможно, это должно было иметь для Нины значение; возможно, отчасти имело. Магическая сила Нины повергала в ужас – парем изуродовал дар сердцебитки, данный ей от рождения. Но девушка дорожила этой силой. Матиас принял перемену, смирился с ее темной стороной и настаивал, чтобы Нина поступила так же. Однако чувство, которое она испытывала, было не смирением. Это была любовь.

– Скучать по этому городу я точно не буду, – вздохнул Адрик и крикнул судовой команде: – Хватит таращить глаза, лучше помогите нам поднять трупы на борт. Избавимся от них, когда выйдем в открытое море.

Некоторые люди заслуживают твоего милосердия, Нина.

Ты прав, Матиас. Нина наблюдала, как Енок с отцом поднимают мертвого Биргира. *Я непременно сообщу тебе, как только встречу одного из них.*

* * *

Адрик молчал, пока они не сели в лодку и не поплыли к берегу. Гриши собирались высадиться в одной из укромных бухт севернее Эллинга, пешком дойти до города и забрать свои вещи.

– Когда обнаружат, что эти трое исчезли, будет много проблем.

Нине отнюдь не нравилось, что ее отчитывают как ребенка.

– По счастью, к тому времени мы будем далеко.

– Мы больше не сможем переправлять людей через этот порт, – прибавила Леони. – Охрану наверняка усилят.

– Не становись на его сторону, – сказала Нина.

– Я не становлюсь ни на чью сторону, – возразила Леони, – просто говорю.

– Ты хотела подвести всех, кто уже сел на корабль? Всех гришей в трюме?

Адрик выровнял руль.

– Нина, я на тебя не злюсь, я просто пытаюсь сообразить, как быть дальше.

Нина налегла на весла.

– Нет, злишься.

– Никто не злится, – сказала Леони, подстраиваясь под ритм Нины. – Мы вызволили целый корабль гришей из этого ужасного места. Кроме того, у Биргира и его «кальмаров» в доках полно врагов. Во время «незапланированной» проверки кто угодно мог доставить им неприятности. Я бы назвала это победой.

– Ну еще бы, – усмехнулся Адрик. – Ты в чем угодно разглядишь хорошее.

Его слова соответствовали истине. Леони напоминала лучик солнца, пойманный в бутылку. Ее жизнерадостность не притупили даже месяцы, проведенные во Фьерде.

«Ты что, напеваешь? – изумился Адрик однажды, когда им целый час пришлось выталкивать застрявшие в грязи сани. – Откуда такой беспощадный оптимизм? Это что-то нездоровое». Леони задумалась над вопросом и перестала напевать, продолжая тянуть лошадь вперед. «Наверное, это потому, что в детстве я чуть не умерла. Когда боги дают тебе второй шанс видеть мир, нужно им наслаждаться». Адрик недоверчиво вздернул бровь. «Меня расстреливали, пыряли ножом, кололи штыком, а сумрачный демон оторвал мне руку. Что-то это не повлияло на мой жизненный настрой». И это тоже было правдой: если Леони – ходячее солнышко, то Адрик – унылая грозовая туча, слишком надутая и обиженная, чтобы пролиться дождем.

Направив лодку в сторону берега, юноша окинул взглядом россыпь звезд на небе.

– «Отверженного» придется перекрасить, выправить ему новые документы и придумать новую историю, а нам – перенести все дела в другой порт. Возможно, в Хьяр.

Нина крепче стиснула весла. По распоряжению короля Николая «Отверженный» начал доставлять грузы в Эллинг почти за год до начала их миссии. Давно знакомое судно почти не привлекало внимания портовой охраны и служило идеальным прикрытием. Может, она все-таки поступила опрометчиво? Капитан Биргир был алчным негодяем, никак не праведником. Пожалуй, Нина слишком сильно желала ему смерти. Но такой она стала после гибели Матиаса – то держалась спокойно, а то вдруг свирепо ощеривала клыки, готовая напасть, как дикий зверь.

Точнее, как раненый зверь. И, подобно раненому зверю, она заползла в укрытие. Несколько месяцев Нина прожила в Малом дворце – общалась со старыми друзьями, ела привычную пищу, проводила время в зале с золотым куполом, стараясь вспомнить, какой была до встречи с Матиасом – до того, как свирепый фьерданец перевернул всю ее жизнь своим неожиданным благородством и она узнала, что охотник на ведьм способен отринуть ненависть

и страх и стать ее возлюбленным. Однако если и можно было вернуться к себе прежней, Нина этой дороги не нашла. А теперь она здесь, на родине Матиаса, в холодной враждебной стране.

– Отправимся на юг, – предложила Леони, – тем более что здесь холодает. Можем вернуться через пару месяцев, когда все забудут про старину Биргира.

Разумный план, но шепчущий хор в голове Нины становился все громче, и она будто со стороны услышала собственный голос:

– Надо ехать в Кеджерут и Гефвалле. Беженцы, которые не явились на встречу, не могли просто передумать.

– Сама знаешь, их скорее всего схватили, – проговорил Адрик.

Открой им правду, любовь моя.

– Знаю, – кивнула Нина. – Но вы ведь слышали, что сказал старик. В Кеджеруте пропадают девушки.

Скажи им, что слышишь зов мертвых.

Матиас, я в этом не уверена.

Одно дело – вести мысленные беседы с мертвым возлюбленным, и совсем другое – утверждать, будто чувствуешь… что именно? Нина не знала. Но понимала, что шепот голосов в мозгу – не игра воображения. Что-то тянуло ее на восток, в речные города.

– Есть еще кое-что, – прибавила Нина. – Женщины, с которыми я работала, утверждали, что вода в реке у Гефвалле отравлена, что город проклят.

Адрик внимательно посмотрел на нее. Как там она говорила Джесперу в Кеттердаме? «Подсказать тебе лучший способ отыскать замаскированного гриша? Следи за чудесами и слушай истории, которые рассказывают детям на ночь: байки о ведьмах и волшебстве, наказы не ходить в «плохие» места… Все это – опознавательные знаки странного и, по меркам простых людей, необъяснимого. Чаще всего байки остаются байками, но порой в тех местах, что упоминаются в рассказах, можно обнаружить гришей, скрывающих свои способности из страха перед властями. Гришей, которым можно помочь».

Скажи им правду, Нина.

Нина потерла озябшие плечи.

Матиас, ты как тот пес с косточкой.

Волк, а не пес. Я рассказывал тебе, как Трассел грыз мои ботинки, если я не подвешивал их высоко на дереве?

Рассказывал. Чего только Матиас ей не рассказывал, отвлекая от мыслей о пареме, когда она выходила из-под влияния наркотика. Именно Матиас помог ей выжить. Почему же она не смогла сделать для него то же самое?

– Проклятье, отравленная вода, – продолжала Нина. – Если ничего не обнаружим, повернем на юг, и с меня сытный ужин.

– Во Фьерде? – переспросил Адрик. – Не стану ловить тебя на слове.

– Но если я права…

– Хорошо, – заключил Адрик. – Я отправлю весточку в Равку о том, что нам нужен новый порт, и мы двинемся в Гефвалле.

Шепот в голове Нины стал тише, превратившись в умиротворенное бормотание.

– Нина… – Леони помедлила. – Там такой простор… И так красиво. Ты могла бы найти для него… место.

Нина устремила взор на темные воды, на огни, поблескивавшие на берегу. *Найти для него место.* Как будто Матиас – старый платяной шкаф или растение, которому нужно определенное количество света. *Его место рядом со мной.* Нет, неправда. Матиаса больше нет. Осталось только его тело, которое без тщательного ухода Леони давно бы сгнило.

К горлу Нины подступил комок, но она решила, что не заплачет. Два месяца провели они во Фьерде, почти четырем десяткам гришей помогли сбежать из-под фьерданского ига.

За их плечами сотни миль заснеженных пустошей и равнин – сколько угодно места, чтобы упокоить останки Матиаса. И теперь пришло время это сделать. Она это сделает. Выполнит одно из данных ему обещаний.

– Да, я этим займусь, – сказала Нина.

– И вот еще что. – Голос Адрика прозвучал решительно, с командными нотками, совсем не похоже на его обычный скорбный тон. – Наша задача – искать рекрутов и беженцев. С чем бы мы ни столкнулись в Гефвалле, мы не имеем права развязывать войну. Мы лишь собираем информацию, устанавливаем каналы связи, открываем пути к побегу для тех, кто этого хочет. На этом все.

– План ясен, – кивнула Нина. Она провела пальцами по рукаву, в котором скрывались костяные дротики.

Но иногда планы меняются.

4
Николай

Несмотря на все Зоины уговоры, Николай не стал задерживаться в Ивце. У него начал вырисовываться план, и он не хотел терять день, изнывая от скуки на торговом съезде. Хайрем Шенк и его невесты-дочки короля не интересовали, а разговаривать с членом керчийского Торгового совета Николай в следующий раз будет на своих условиях.

Именно поэтому, несмотря на множество дел, ожидавших его в столице, первую остановку он намеревался сделать у князя Крыгина. Николаю требовались кое-какие сведения, а также самый ценный из его фабрикаторов. Кроме того, если есть возможность посетить роскошный дворец развлечений, отчего бы ею не воспользоваться? Особенно если упомянутый дворец служит прикрытием для секретной лаборатории.

Старший Крыгин, купец из Западной Равки, зарабатывал огромные деньги на продаже оружия и информации (и вообще всего, что не приколочено) врагам своей страны. Но Крыгин-младший, некогда служивший вместе с Николаем в Хальмхенде, в обмен на обещание правителя не трогать отца, которому за государственную измену грозила конфискация всего состояния, лишение титула и пожизненная тюрьма, поклялся короне в своей верности и финансовой поддержке. Более чем разумная сделка.

Николай поставил сыну купца довольно необычные условия. Крыгин-младший и без того не отличался добродетелью, теперь же от него требовалось вести разгульную жизнь, швырять деньги на ветер и всячески поддерживать репутацию кутилы и повесы. Молодой князь взялся играть свою роль с большим рвением: закатывал пышные балы, кончавшиеся, как правило, дебошем, и изо всех сил старался пролезть в круг равкианских аристократов – обладателей более звучных фамилий и состояний пусть не таких колоссальных, зато крепких, нажитых несколькими поколениями. Он безвкусно одевался, много пил и глупо бравировал тем, что его имя стало синонимом богатства и беспутности одновременно: «Молодой Грицкий вытворяет черте-те что, и вряд ли из него выйдет толк, но, по крайней мере, он не таков, как Крыгин».

Вот почему никто не удивился, когда Крыгин купил большой участок земли к востоку от Ос Альты. «Крыгин, понятное дело, хочет быть поближе к столице, – шептались в гостиных и салонах. – Виляет хвостом перед королем и старинными аристократическими родами. Но какой глава благородного семейства, если он в своем уме, подпустит дочку к этому выскочке?»

Когда Крыгин нанял неизвестного, но гениального земенского архитектора, чтобы тот создал для него дворец увеселений, подобного коему на равкианской земле прежде не было, – с винным погребом, протянувшимся под землей, как говорили, на целую милю, и озером, для наполнения которого потребовалась сила гришийских проливных и пересечь которое на лодке нельзя было и за несколько дней, это тоже никого не удивило. Люди лишь качали головой, когда Крыгин стал запускать в небо воздушные шары, наполненные горячим воздухом, да посмеивались, узнав, что луга, отведенные для экскурсий и прогулок, то и дело затягивало туманом. Расточительно, пошло, нелепо! – твердили все, и при этом каждый мечтал получить приглашение на одно из блистательных празднеств, что устраивал Крыгин.

Свое роскошное поместье Крыгин окрестил Лазлайоном – Золотой Долиной, однако эти земли отличались такой сыростью и так часто скрывались в тумане, что чаще всего его владения называли Золотым Болотом. Балы и вечеринки, что устраивал молодой князь, воистину потрясали великолепием, но в то же время были частью грандиозного обмана – обмана, от которого зависело будущее Равки.

На самом деле винный погреб Крыгина тянулся не на одну милю, а на целых пять, и был вовсе не винным погребом, а подземным бункером, где разрабатывалось оружие. На озере проводились испытания опытных экземпляров подводных кораблей и новейших видов военной

техники для сражений на море. Густой туман, что занавешивал долину плотной пеленой, зачастую был делом рук шквальных, защитой от любопытных глаз и фьерданской воздушной разведки. Поле, откуда поднимались воздушные шары, на самом деле было аэродромом: искусно разбитые сады загораживали две длинные взлетные полосы, предназначенные для испытаний экспериментальных летательных аппаратов. Фейерверки, в свою очередь, маскировали ружейную стрельбу и грохот взрывов.

Разумеется, никакого земенского архитектора не существовало. Николай Ланцов сам спроектировал Золотое Болото, а вот средства на осуществление замысла предоставил молодой князь. Король время от времени наезжал в поместье, чтобы прокатиться верхом, поохотиться и отведать отличного вина из погребов Крыгина, но чаще прибывал тайно, через личный секретный вход, и немедленно отправлялся в лаборатории – узнать, как продвигаются последние разработки.

Оказываясь в Золотой Долине, Николай неизменно испытывал приятное волнение. Дворец в Ос Альте был полон призраков. Преступления отца, грехи матери, истекающее кровью тело брата, распростертое на ступенях, бесплотная армия Дарклинга, врывающаяся в окна Орлиного гнезда… Лазлайон же был его собственным творением. Здесь демон, что властвовал над ним по ночам и терзал во сне, на короткое время отступал. Стройный расчет, радость от видимых результатов и счастливые часы, проводимые за созданием больших взрывающихся штуковин, выполняли роль своеобразного щита. Однако для короля Равки Золотое Болото было не просто игровой площадкой, но кузницей, где ковалась мощь Первой и Второй армий, где традиционному оружию и силе гришей суждено было обрести новый размах.

По крайней мере, хочется в это верить, думал Николай, в сопровождении Толи поднимаясь на широкое крыльцо главного дворца. Или, рассуждал король, он вбухает сюда последние деньги Равки, а в результате ему нечего будет предъявить, кроме груды ржавых гребных винтов и холодного озера, еле пригодного для судоходства.

Равка представала перед ним в разных образах: знатной дамы, которая постоянно требует к себе внимания, капризного ребенка, не желающего приучаться к самостоятельности, а чаще всего – утопающего: чем больше усилий Николай прилагал для его спасения, тем упорнее тот тянул его на дно. И все-таки он надеялся, что при помощи солдат и светлых голов Золотого Болота эту страну еще можно вытащить на берег.

– Ваше величество! – воскликнул Крыгин, сбегая вниз по ступеням, чтобы встретить правителя. Рыжие волосы князя были уложены в гладкую прическу, наряд состоял из лилового кафтана и золотых парчовых штанов, совершенно неуместных в это время суток. Рядом с Толей, одетым в простую куртку унылого серовато-оливкового цвета и возвышавшимся в седле своего крупного коня, Крыгин походил на актера скверного спектакля. – Если бы вы предупредили меня о приезде, я бы постарался приготовить для вас лучшие развлечения!

– Да ладно тебе, Крыгин. – Проигнорировав поклон князя, положенный по этикету, Николай обнял его и похлопал по плечу. – Я же знаю, ты любишь импровизировать.

– Тогда для начала лучше всего спуститься в винный погреб. Покорнейше прошу, входите.

– Мы с Толей предпочли бы проехаться по окрестностям. В твоих полях еще водится дичь?

– Разумеется, ваше величество. Должно же быть занятие, которое согреет нас этой зимой, ну, а на крайний случай я припас три сотни бутылок керчийского бренди.

Ради всех святых! Николаю порой казалось, что роль беспутного гуляки Крыгин отыгрывает с излишним энтузиазмом.

– Только не вздумай споить весь кабинет министров, – предупредил король. – Парочка трезвых советников под рукой мне не помешает.

– Само собой, само собой, – закивал Крыгин, глядя на дорогу с явной надеждой на лице.

Болван несчастный.

– Зоя направилась прямиком в столицу.

Крыгин смущенно кашлянул.

– Собственно, это неважно. Я просто хотел распорядиться насчет ее любимой наливки. Надеюсь, коммандер Назяленская в добром здравии?

– Хороша как картинка и брызжет недовольством.

– Красавица… – мечтательно вздохнул Крыгин. – Что ж, не стану докучать расспросами. Не будет ли так любезен мой король передать ей от меня поклон?

– Святые мученики, – пробурчал Толя, – да она тобой позавтракает.

– Не худшая смерть, а? – ухмыльнулся князь.

– Крыгин, дружище, – вздохнул Николай, – ты славный парень. Отчего не найдешь себе милую девицу, которая любила бы охоту и сквозь пальцы смотрела бы на твои пороки?

Крыгин шаркнул ножкой, словно школяр.

– У меня есть стойкое чувство, что за суровым обликом коммандера Назяленской скрывается нежная душа.

Толя фыркнул.

– Она раздавит твое сердце в кулаке и высосет из него всю кровь.

На лице князя отразился ужас, однако Николай счел, что Толя, пожалуй, не преувеличил. Ланцов уже привык наблюдать за странным феноменом Зоиной красоты, заставлявшим мужчин придумывать самые различные объяснения манере поведения Назяленской. Говорили, что она жестока, ибо в прошлом ее сердце было разбито; холодна, так как еще не встретила того, кто сумеет ее согреть. Чем угодно пытались оправдать острые грани Зоиной натуры и смягчить ее колючий характер – а что толку? Общество Зои – как крепкий напиток: бодрит и приводит в тонус, но, если не умеешь держать градус, лучше воздержаться.

Николай вскочил обратно в седло.

– За суровым обликом коммандера Назяленской скрывается еще более суровый нрав. Но я обязательно передам ей твои пожелания здоровья.

Король пустил лошадь рысцой, Толя последовал за ним. Всадники ехали по дорожке из белого гравия вдоль восточного фасада главного дворца. Из окон доносилась музыка, звучавшая в бальных залах и игровых комнатах, мелькали фигуры в шелках и драгоценностях. Николай успел разглядеть мужчину, на котором из одежды была лишь адмиральская треуголка. Вышагивая по коридору, мужчина колотил ложкой по большой кастрюле.

Толино лицо сделалось чернее тучи.

– Нельзя, чтобы подобные зрелища связывались в представлении людей с короной, – пробурчал он.

– Наверное, нельзя, – согласился Николай, – но равкианцам нравится, когда их правители позволяют себе чуточку непристойности. К безгрешным праведникам у них нет доверия.

Толя прищурил золотисто-карие глаза.

– А у тебя, значит, к такому грешнику есть?

– Вижу, осуждаешь. Но Крыгин играет ту роль, которую я попросил его сыграть. Возможно, он не слишком умен, но, по крайней мере, предан.

– Не думает же он всерьез, что Зоя обратит на него внимание?

– Будем уповать, что этого не произойдет, не то наш бедный Крыгин упарится больше, чем если он попытается сплясать с медведем.

Николай полагал, что и Зоя, и Толя недооценивают молодого князя. Помимо обходительности и полного отсутствия честолюбия Крыгин-младший обладал добрым сердцем. Этот достойный молодой человек с романтическими идеями о долге перед своей страной к тому же испытывал глубокий стыд за поступки отца – в чем, кстати, Николай его понимал. Нынешний король Равки прекрасно знал о репутации собственного папаши, и это было одной из многих

причин, почему открыто посещать Лазлайон он старался как можно реже. В ту самую минуту, когда Николай впервые задумался о престоле, он осознал, что обязан быть человеком лучше, нежели отец, и монархом лучше, нежели тот, каким мог стать его старший брат Василий, погибший от рук Дарклинга. Николай искренне оплакивал его, но правда была в том, что внезапная смерть Василия оказалась весьма своевременной.

К удовлетворению Николая, как только они с Толей съехали с гравийной дорожки, из зарослей тут же вышли два садовника. Весь персонал в поместье Крыгина – от судомоек и конюхов до управляющего – состоял из королевских шпионов.

– Соколов в небе не видно? – спросил Николай, используя пароль.

– Нет, но мы слыхали, в лесу водятся лисы, – назвал условленный ответ садовник, после чего вместе с напарником вернулся к своим обязанностям.

Пароли менялись раз в неделю и были лишь одним из правил, по которым в Золотом Болоте велись настоящие дела.

Над южным берегом озера висел необычно густой туман, и, только пройдя через его пелену, Николай и Толя увидели доки, где кипела работа: здесь трудились как гриши, так и инженеры Первой армии. Озеро было усеяно последними прототипами королевского подводного флота. Настоящие суда – небольшие канонерские подлодки и массивные подводные корабли, предназначенные для перевозки всего на свете, начиная от войск и заканчивая летательными аппаратами, – планировалось возводить на секретной береговой базе в Равке. При условии, что Николай найдет на это средства. Даже Крыгин был не настолько богат, чтобы модернизировать целый военно-морской флот.

Николай охотно задержался бы в доках, чтобы посмотреть на испытания, однако сегодня его ждали другие дела. Стреножив коней у входа в мшистый грот, они с Толей скрылись в пещере. Вопреки ожиданиям, здесь не тянуло сыростью: грот был искусственный, и шквальные строго следили за показаниями влажности как в лабораториях, так и в переходах. Нащупав нужную выемку в камне под гроздью искусственных соляных лилий, Николай надавил пальцем. Каменная стена отъехала вбок, открывая небольшую бронзовую камеру. Король потянул рычаг, дверь с лязгом закрылась, и они поехали вниз. Вниз, вниз, на шесть этажей, в небезызвестные «винные погреба» Крыгина. Добраться туда можно было с помощью таких вот тайных лифтов, разбросанных по поместью.

– Ненавижу этот момент, – пробурчал Толя. – Все равно как хоронят заживо.

Николай знал: Толя чуть не погиб под завалом в пещере, когда сопровождал в походе заклинательницу Солнца.

– Тебе лучше подождать меня наверху. Заодно понаблюдаешь за испытаниями новых двигателей. Мне нужен полный отчет.

Толя потуже затянул узел, в который были завязаны его длинные черные волосы, и скрестил на груди огромные руки, сплошь покрытые татуировками.

– Тамара говорит, страхи – как сорняки. Будут расти и забивать все остальное, если их не выполоть.

Хорошо сказано. Тамара, Толина сестра-близнец, не ведала страха.

– То есть, когда ты заставляешь себя спускаться под землю, это что-то вроде прополки?

Толя скрипнул зубами.

– Если не смотреть в глаза своему страху, никогда его не преодолеешь.

Николай предпочел промолчать. Судя по каплям пота на широком лбу Толи и крепко стиснутым челюстям, экскурсии под землю явно не шли ему на пользу. Однако с той войны у каждого остались раны, и Толя вправе залечивать свои так, как считает нужным. Король Равки сжал обтянутые перчатками кулаки и подумал о черных шрамах на собственных пальцах. *Хватит ли у меня мужества посмотреть в глаза монстру?* Этого он не знал.

Двери лифта открылись, король и его стражник шагнули в очередную бронзовую камеру. Путь преграждала массивная стальная дверь. Чтобы открыть кодовый замок Скайлера – о таких замках Николай узнал от одного «медвежатника» в Кеттердаме, – он ввел секретную комбинацию цифр. Мгновение спустя дверь открылась, и они вошли.

Лаборатории разделялись на четыре секции, которые при необходимости можно было объединить: секция огнестрельного оружия и бронезащиты, военно-морская секция, секция воздушных сил и, наконец, химическая лаборатория, где разрабатывали антидот для юрды-парема, со сдерживающим действие наркотика эффектом, чтобы гриши, применяющие его для усиления своих способностей, не приобретали пагубную зависимость.

Первым делом Николай заглянул в лабораторию. Переговорил с алкемами, желая подтвердить выводы об антидоте, сделанные им на основе последнего отчета, и забрал с собой небольшую склянку с этим веществом – для членов Триумвирата. Если учесть, какой план он собирается им предложить, лучше иметь на руках что-то конкретное.

Давида Костюка они нашли не сразу, поскольку он работал сразу во всех секциях. В конце концов Николай и Толя обнаружили фабрикатора склонившимся над кипой чертежей рядом с резервуарами, где создавались миниатюрные прототипы подлодок. Рукава его фиолетового кафтана обтрепались, давно не стриженные темно-русые волосы придавали ему сходство с задумчивым лохматым псом.

Николай посмотрел через стекло на последнюю конструкцию моросеев, подводных судов его собственного изобретения. На земле они выглядели неуклюже: широкие, плоские, громоздкие, как крылатые блины с металлической обшивкой. Однако под водой моросеи превращались в элегантных, маневренных хищников, плавно скользящих в глубине. Их курс направляли проливные, воздух для экипажа обеспечивали гриши и фильтр, на усовершенствование которого Николай и Давид потратили почти год. Но главная задача заключалась в том, чтобы вооружить эти суда. Только тогда они станут настоящей стаей акул. А что потом? Неважно, сколько военных кораблей построят враги Равки. Моросеи способны незаметно перемещаться по всему океану и атаковать, даже не поднимаясь на поверхность. Они полностью изменят картину сражений на море.

Давид поднял голову, прервав разговор с Надей Жабиной о маятниково-клапанной системе, которую планировалось использовать для наведения целей.

– Сегодня испытывают внешние двигатели, – сообщил он.

– И тебе доброе утро, Давид, – поздоровался Николай.

– Сейчас утро?

– Если считать основным признаком восход солнца, то – да, – сказал король. – Как продвигается разработка новых реактивных снарядов?

– Пытаемся добиться, чтобы они не отклонялись от курса, – сказала Надя, чье бледное, заостренное лицо в отсветах воды, плещущейся в резервуарах, казалось синеватым. Эта шквальная вместе со своим младшим братом Адриком сражалась бок о бок с заклинательницей Солнца, однако в истинной мере ее способности раскрылись при создании оружия. В разработке моросеев Наде принадлежала важная роль. – Мы близки к успеху.

Будучи изобретателем, Николай воспринял эту новость с восторгом, однако разговор с Хайремом Шенком, состоявшийся в Ивце, сдерживал его радость. Правитель Равки чувствовал, что керчиец буквально дышит ему в затылок, и ощущение это было не из приятных.

Для «Нулевых» – солдат и ученых, трудившихся в лабораториях Золотого Болота, – Николай установил два правила: прежде всего, их нельзя относить ни к Первой, ни ко Второй армии, так как они воины сразу и той, и другой. Нулевые обязаны мыслить, как искусные воры: перенять достижения неприятеля и обернуть их против него же. Неважно, какая страна первой заполучит новые технологии; куда важнее переплюнуть врага, усовершенствовав их. Фьерданцы придумали двигатель для транспортировки вагонов и бронетанковых батальонов

– равкианцы увеличили его мощность, приспособив для больших судов. Во Фьерде создали стальной летательный аппарат, для управления которым не требовалась сила шквальных, и тогда равкианцы похитили чертежи и сконструировали свои летучие корабли из алюминия, более легкие и безопасные.

Правило номер два – действуй быстро. За последний год Фьерда невероятно продвинулась в области военных технологий – за счет чего, Николай пока не выяснил, – и Равке обязательно нужно найти способ догнать ее.

Он постучал пальцем по чертежам на столе.

– Если испытания топливной системы внешних двигателей пройдут успешно, сколько времени потребуется, чтобы ввести моросеи в действие?

– Несколько недель, – ответила Надя.

– Отлично.

– Но чтобы запустить производство, нам нужно больше стали.

– Вы ее получите, – пообещал Николай, искренне надеясь, что не солгал.

– Благодарю, ваше величество, – с улыбкой поклонилась Надя.

Девушка до сих пор неколебимо верила в своего короля, хотя тот и не был уверен, ободряет ли его эта безоговорочная вера или доставляет беспокойство. Он всегда находил способ сделать так, чтобы шестеренки ветхой, проржавевшей колымаги, именовавшейся Равкой, продолжали вращаться: в самый нужный момент добывал недостающие средства, в нужное время заключал выгодные союзы, на скорую руку изобретал какое-нибудь хитроумное приспособление, превращавшее малочисленное регулярное войско в соперника, равного по силе мощным неприятельским армиям, осаждавшим границы Равки. Любую проблему Николай решал так же, как поступал с фьерданским двигателем: разбираешь на части, выясняешь принцип работы и собираешь из этих же составных элементов нечто такое, что работает *на* тебя, а не *против*.

Демона это не устраивало. Демон не интересовался решением проблем, государственным управлением или обустройством будущего. Им двигал лишь голод, сиюминутное стремление убить и сожрать.

Я найду способ. Всю свою жизнь Николай в это верил. До сих пор его воли хватало, чтобы определять не только собственную судьбу, но и самосознание. Он выбирал те ипостаси, которые был готов показать людям: послушный сын, бесшабашный пират, храбрый вояка, опытный политик. Теперь всему этому угрожал монстр. Как изгнать это чудовище? На сегодняшний день они так же далеки от решения, как и полгода назад. Двигаться вперед – да, но что дальше? Угодив в капкан, мелкие зверьки скулят и тщетно дергаются. Лис находит способ выбраться.

– Давид, прошлой ночью ты спал здесь? – спросил Николай.

Фабрикатор нахмурил лоб.

– Нет.

– Он провел ночь здесь, но не спал, – уточнила напарница.

– А ты спала?

– Подремала… немного, – уклончиво отозвалась Надя.

– Я забираю тебя отсюда. Поедешь со мной к Тамаре, – объявил ей Николай.

– Но она нужна мне на испытаниях топлива, – запротестовал Давид.

– Я и тебя забираю. К Жене, – отрезал Ланцов.

– Но…

– Давид, не спорь. А то для поддержания авторитета я что-нибудь взорву. Мне нужен весь Триумвират, а вы с Надей начнете работать над новым прототипом моросея.

Надя откинула с лица светлую прядь.

– Я готова приступить сию минуту, ваше величество.

– Погоди, не спеши демонстрировать свою потрясающую компетенцию. Нужно сделать так, чтобы этот конкретный прототип оказался нерабочим.

Давид принялся сворачивать чертежи, аккуратно складывать карандаши и инструменты.

– Мне не нравится, когда задача выглядит бессмысленной.

Надя вздернула брови.

– Полагаю, у вашего величества есть на то причины?

Как и всегда. Он спасет утопающего, вытащит его на берег, как бы тот ни сопротивлялся. Плевать на то, чего хочет демон.

– Я собираюсь устроить небольшое представление, – сообщил Николай, уже воображая залитое лунным светом озеро и восхитительный хаос, который он там создаст. – А значит, потребуются соответствующие декорации.

5
Нина

Гефвалле. Чем ближе был город, тем труднее было не обращать внимания на шелестящий шепот в голове. Порой Нина могла поклясться, что слышит голоса, смутные тени непонятных слов. В остальное время звук напоминал шорох ветра в тростнике.

Скажи им, любимая.

О чем сказать? Возможно, эти звуки ничего не значат. Возможно, это слуховая галлюцинация, последствия борьбы с паремом. Или мертвые, которые зовут к себе.

Город располагался в тени низкой горной гряды, у подножия массивного сооружения, вырубленного прямо в скале под крутым утесом, – некогда это была крепость, потом – военный завод. Путешественники с первого взгляда поняли, что старый завод снова запустили – подтверждением тому служил поток вагонеток и сновавшие повсюду рабочие, – но с какой целью?

Гостиниц в Гефвалле не было, нашелся лишь трактир с двумя гостевыми комнатами, уже занятыми. Хозяин трактира сказал, что путникам иногда дает приют монастырь на холме.

– Монашки там стирают солдатское белье, – сообщил он. – Лишние руки им не помешают.

– Наверное, после того, как запустили завод, у всех в городе дела пошли лучше, – заметила Нина на фьерданском.

Трактирщик покачал головой.

– Солдаты здесь уже год. Никого из местных на работу не взяли. Сливают в реку какую-то гадость.

– Ничего подобного, – возразила грузная женщина, лущившая горох за стойкой. – В реке было полно дряни из рудников еще до того, как солдаты опять раскочегарили печи. – Она смерила Нину и ее спутников долгим взглядом. – От разговоров с чужаками денег у нас не прибавится.

Поняв намек, троица вышла на главную улицу. Городок оказался на удивление симпатичным: небольшие уютные домики с островерхими крышами и дверями, выкрашенными в яркие цвета – желтый, голубой, розовый.

Леони посмотрела вверх, на громаду старой крепости. Большие квадратные фасады были испещрены темными оспинами окон.

– Скорее всего, там производят оружие или боеприпасы, – сказала она.

Адрик выглядел мрачнее обычного.

– Либо эти их новомодные бронированные танки, – угрюмо промолвил он.

– В таком случае нам есть о чем сообщить в столицу, – сказала Нина, надеясь раздобыть больше сведений.

Она никак не ожидала увидеть здесь знаки святых, ведь эти места не были охвачены тайной сетью Рингсы. Подобные знаки Нина замечала и на дороге: алтари с изображением Санкты-Алины вместо традиционного священного ясеня, икона Санкт-Демьяна Раймского в витрине лавки, две скрещенные терновые ветви над воротами – символ благословения Санкт-Феликса. Слухи о чудесах и странных происшествиях ходили по всей Равке, а теперь, видимо, волна поклонения святым достигла и Фьерды. Откровенно поддерживать ересь вблизи военных было опасно, так что, возможно, этими мелкими жестами жители просто выражали свой протест против присутствия солдат, которые круглосуточно наблюдали за городом со стен бывшей крепости.

Монастырь ютился на северной окраине Гефвалле, почти под самым заводом. Он представлял собой цельную глыбу молочно-белого камня цилиндрической формы с башенкой на крыше, из-за чего сооружение напоминало замковую вышку, только без замка. Большая

часовня, примыкавшая к монастырю, была сложена из крепких, грубо обтесанных бревен. Вход венчала арка из ветвей ясеня, замысловато переплетенных между собой.

Оставив сани в конюшне, путники позвонили в звонок у двери монастыря. Им открыла молоденькая девушка в вышитом голубом сарафане послушницы, и через несколько мгновений все трое стояли перед настоятельницей монастыря – Матерью-хранительницей, пожилой женщиной, одетой в рясу из темно-синей шерсти. У нее было круглое розовощекое лицо, не морщинистое, но покрытое мелкими, словно бы аккуратно заложенными складочками.

Нина представилась переводчицей при купце и его жене, которые везут товар на продажу, и спросила, нельзя ли им на первое время остановиться в монастыре.

– Фьерданский знают? – осведомилась настоятельница.

– *Bine*, – ответил Адрик. *Чуть-чуть*.

– *De forenen*, – с улыбкой добавила Леони. *Учим*.

– А твой муж где? – обратилась к Нине Мать-хранительница.

– Его забрала вода. – Девушка опустила глаза на свое серебряное кольцо. – Да пребудет с ним Джель.

– Так он не солдат?

– Рыбак.

– Ясно, – сказала Мать-хранительница, будто разочарованная столь бескровной смертью. – Тебя и земенку я могу поселить на нижнем этаже рядом с кухней, но ее мужу придется ночевать в конюшне. Вряд ли он причинит моим подопечным беспокойство, – она покосилась на подшитый рукав Адрика, – но все же.

Подобные бестактные комментарии Адрик слышал часто, однако и на этот раз лишь любезно улыбнулся и здоровой рукой протянул монахине деньги за неделю постоя.

Мать-хранительница провела их через столовую к конюшне, по дороге рассказав о монастырском распорядке.

– По вечерам, когда колокол бьет десять, ворота запирают и отпирают только утром. В эти часы прошу вас обращаться к книгам или занимать себя медитацией, чтобы не отвлекать наших девушек.

– Они все – послушницы? – поинтересовалась Нина.

– Часть из них станет девами-хранительницами источника, остальные по окончании обучения вернутся к родителям или мужьям. А что это вы такое перевозите? – настоятельница приподняла уголок брезента, которым были укрыты сани.

Первым порывом Нины было ударить старуху по руке, однако вместо этого она шагнула ближе и потянулась к стягивающим брезент веревкам.

– Эта пара изобрела новый зарядный механизм для винтовки.

Леони будто по команде достала из кармана цветной рекламный листок.

– Цена выходит невысокая, и в новом году мы рассчитываем на хорошие продажи. Если желаете посмотреть…

– Нет-нет, – поспешно отозвалась настоятельница. – Уверена, вещь интересная, но, боюсь, у монастыря нет средств на… рискованные проекты.

Уловка действовала безотказно.

– Завтрак с шестым ударом колокола, после утренней молитвы – будем рады, если вы к ней присоединитесь. Хлеб и соль найдете на кухне в любое время. Воду выдаем по норме.

– По норме? – переспросила Нина.

– Да, мы берем ее из колодца в Фельстеде, а это довольно далеко.

– Разве Гжела не ближе?

Мать-хранительница поджала пухлые губы.

– Есть разные способы служить Джелю. Долгий путь дает возможность спокойно подумать о вечном.

«Вода у старой крепости совсем испортилась», – вспомнила Нина слова хедьютки. Настоятельница не хочет, чтобы монахини пили воду из этого притока, а кроме того, не желает говорить об этом. Может, конечно, хранительницы источника просто стирают солдатское белье, а может, и знают, что делается на заводе.

– Идемте, – сказал Адрик, как только Мать-хранительница удалилась.

Нина проверила, надежно ли закреплен брезент, и троица неторопливым шагом двинулась вверх по склону, нарочито громко разговаривая на земенском. Они шли вдоль дороги, что вела к заводу, то и дело останавливаясь, чтобы поглядеть на птиц и обозреть пейзажи. Трое приезжих на прогулке – что тут такого?

– Ничего, что придется ночевать в конюшне? – спросила Леони, когда они шли по сосновой роще.

– Как-нибудь переживу, – ответил Адрик. – В конце концов, жертвами однорукого развратника могут стать и лошади. Мать-хранительница об этом не подумала.

Леони засмеялась.

– Волк, проникший в хлев незаметно, задерет куда больше овец, – заметила она.

Адрик фыркнул, однако эти слова ему явно польстили.

Шедшая позади Нина с досадой закатила глаза. Если ей и дальше придется работать вместе с парочкой, которая уже начала этот вечный, как мир, танец из робких комплиментов и смущенных взглядов, она с ума сойдет. Обрести счастье и потерять его – это одно, и совсем другое, когда тебе под нос суют чужое счастье, ненужное, как лишний кусок пирога. Впрочем, от лишнего куска пирога она бы не отказалась. *Это пойдет мне на пользу,* попыталась убедить себя Нина*, как свежие овощи и уроки арифметики. Удовольствия, видимо, будет столько же.*

Наконец они вышли на прогалину, с которой открывался вид на заводские ворота. Шелест голосов в голове Нины усилился, перекрывая шум ветра в соснах. По обе стороны огромных ворот стояли двое часовых, кроме того, охрана была расставлена и на парапетах.

– Раньше это была крепость, – сообщила Нина, указывая на выемки в каменных стенах, похожие на древние ниши. Позади главного здания виднелся огромный резервуар – девушка предположила, что вода в нем используется для охлаждения машинного оборудования.

– Удачное место, – отметил Адрик своим обычным хмурым тоном. – На возвышенности. Здесь хорошо укрываться от атак неприятеля или, к примеру, наводнения.

Сила Джеля, подумала Нина. *Источник… ярость воды*.

Две высокие трубы изрыгали в предвечернее небо сизый дым. К воротам подъехал крытый фургон. О чем говорят возница и часовые, догадаться было невозможно.

– Интересно, что в фургоне? – сказал Адрик.

– Да что угодно, – ответила Леони. – Металл с рудников. Рыба. Юрда.

Зябко ежась, Нина потерла плечи и бросила взгляд на трубы.

– Нет, не юрда. Я бы унюхала. – Небольшие дозы обычной юрды помогли ей в жестокой схватке с паремом, в то же время сделав ее чрезвычайно чувствительной к этому веществу. – Ну, что, остаемся? – обратилась она к Адрику.

– Неплохо было бы осмотреть завод, но, пожалуй, остановимся на том, чтобы выяснить, какой дрянью отравляют местную воду.

– Возможно, это отходы из рудников, – высказалась Леони.

– Будь так, рыбаки подняли бы шум и потребовали закрыть завод. А люди молчат. Страх не дает им раскрыть рты.

– Давайте возьмем образцы воды, – предложила Леони. – Если у меня получится выделить ядовитые примеси, мы поймем, что происходит на заводе.

– У тебя есть с собой реактивы? – удивился Адрик.

– Нет. У меня с собой все необходимое для подделки документов, а не для изучения ядов. Но я что-нибудь намешаю.

– А если бы я попросил волшебный порошок, чтобы меня вырвало мятными леденцами, ты бы тоже «что-нибудь намешала»?

– Возможно, – усмехнулась Леони. – Надо пробовать.

Адрик недоверчиво покачал головой.

– У меня мозги пухнут уже от одной мысли об этом.

– Мне понадобится время, – сказала Леони, и по ее лицу пробежала тень. – Яды – сложная штука.

– Мы не можем задерживаться надолго, иначе вызовем подозрения, – произнес Адрик. – Торговля как предлог не годится. Кроме того, не хочу, чтобы в дороге нас застигла снежная буря.

– Понимаю, – сказала Нина. Это она притащила сюда друзей и теперь надеялась обнаружить нечто более важное, чем работающий военный завод. – Дайте мне неделю.

Воцарилось молчание. Нина ощущала беспокойство обоих спутников. Леони мягко тронула ее за руку.

– Нина…

Она знала, что Леони собиралась сказать.

Хор голосов зашумел в голове с новой силой, однако Нина не стала к нему прислушиваться. Она обвела взглядом долину, и густой лес, и серебристый источник, что вился меж деревьев, сверкая, как цепочка в шкатулке с драгоценностями, и аккуратный городок, разрезанный напополам дорогой. Все это выглядело отнюдь не вражеской территорией, а тихим уютным местечком, куда люди пришли в надежде построить мирную жизнь и где военный завод и солдаты казались чужеродными и лишними.

В другой жизни Нина и Матиас тоже могли бы построить дом в таком вот месте. Они бы долго спорили, поближе или подальше от города стоит поселиться. Нине хотелось бы суеты и общения, Матиасу – тишины и покоя. В конце концов они нашли бы компромисс. После ссоры помирились бы поцелуем. Но есть ли вообще место, где они чувствовали бы себя в безопасности? Где оно – во Фьерде? В Равке? Где-то, где они могли бы жить свободно и счастливо? В другом мире, в другой жизни.

Пора, Нина. Верни меня моему богу.

Набрав полную грудь воздуха, Нина промолвила:

– Мне нужно два дня. Чтобы отвезти его к чистой воде.

Сердце ее в этот момент будто бы разрубил мощный удар топора. Пробив толстую кору, лезвие проникло в мягкую белую древесину.

– Тебе нельзя идти одной, – сказал Адрик уныло, словно ему предстояло натянуть мокрые носки.

– Я вполне могу… – Нина не договорила: снизу донесся треск.

Все трое напряженно замерли. Тишину прорезал крик.

– Это на лугу, – шепнула Нина.

Адрик двинулся вниз по склону, жестом показав следовать за ним. Вместо хмурого нытика моментально возник опытный боец. Троица старалась держаться в тени и ступать как можно тише.

– Солдаты, – прошипела Леони, вглядываясь в просвет между ветками.

На берегу ручья суетились несколько человек в серой униформе фьерданской армии. Солдаты возбужденно голосили. Двое были верхом, остальные, спешившись, пытались утихомирить коня, который чего-то испугался и сбросил седока. Нина видела, что нога несчастного застряла в стремени и что конь волочит его за собой, мечась по мелководью. Чтобы раскроить череп, хватит одного удара копытом.

– Надо помочь, – сказала Леони.

– Нужно возвращаться под защиту города, – возразил Адрик. – Сами справятся.

– Одним фьерданским мучителем будет меньше, – пробормотала Нина себе под нос.

Нина.

Адрик и Леони уставились на нее. Адрик выглядел точь-в-точь как плакальщик у гроба усопшего, и даже солнечно-радостное личико Леони омрачила тень тревоги.

Осуждают. Они ее осуждают, и Адрик, и Леони. Черт, в глубине души Нина и сама себя осуждает. Но с тех пор, как Матиас ее покинул – с тех пор, как его у нее отняли, – она утратила ту часть сердца, где живет сострадание. Какая вообще разница? Спасаешь одну жизнь и тут же видишь, как забирают другую. Добро умерло. А зло? Нина посмотрела на фьерданцев в солдатской униформе, убийц, готовых пролить кровь. Разве они имеют право на жизнь, если Матиас, ее прекрасный дикарь, мертв?

Нина.

Заткнуть бы уши и крикнуть ему, чтобы оставил ее в покое. Нет, этого Нина хотела меньше всего.

Заставишь меня быть человеком?

Нина, я знаю, какая ты сильная. Моя смерть тебя не сломит.

– Что будем делать? – вслух спросила она.

– Я умею обращаться с лошадьми, – сказала Леони.

Адрик закатил глаза.

– Начинается.

– Заодно добьемся расположения местных. – Леони уже протискивалась сквозь заросли. – Друзья среди солдат нам не помешают.

– Друзья среди солдат? – недоверчиво переспросила Нина.

– Идем, – поторопил ее Адрик. – Если отпустим Леони одну, она, того гляди, пригласит их на пижамную вечеринку.

– *Gedrenen!* – крикнул один из солдат, когда троица вышла на опушку. *«Чужие!»* Голос у него был тонкий, как у ребенка.

– Вам помочь? – предложила Нина на фьерданском.

– Нет! – донеслось в ответ с берега. – Не подходите!

Нина вдруг поняла, что перед ними вовсе не мужчины, а одетые в военную форму девушки. Она подняла руки, демонстрируя мирные намерения.

– Не отказывайтесь от помощи. Моя подруга-земенка знает подход к лошадям. – Нина надеялась, что это действительно так, а не обычный оптимизм Леони в духе: «Однажды у меня был пони».

Леони подошла к воде, тихонько имитируя ржание и что-то бормоча на земенском. Медленно шагнула влево, потом вправо, широко раскинула руки.

– Мне нужна веревка, – вполголоса проговорила она, не отводя взгляда от коня.

Одна из всадниц вышла вперед. Шести футов ростом, она, казалось, вся состояла из стальных мускулов. Кожа у нее была теплого желтовато-коричневого оттенка, который здесь, на севере, как правило, указывал на предков-хедьютов; из-под армейской фуражки выбилось несколько каштановых прядей. Теперь, с близкого расстояния, Нина разглядела, что солдатская униформа сидит на девушках плохо, что она им явно велика.

Краденая.

Высокая незнакомка дерзко выпятила подбородок. Лет ей было примерно столько же, сколько Нине, и даже если она боялась разоблачения, то хорошо скрывала свой страх. Она подала веревку Нине, та со своего места перебросила ее Леони. Что тут делают эти девчонки? Женщин во фьерданскую армию не берут, дом покидают они не часто, а если и выезжают, то уж точно не верхом. Фьерданки даже брюк не носят, только целомудренные юбки, плотные и длинные.

Девушка, нога которой запуталась в стремени, застонала, пытаясь переползти на мелководье. Соломенно-желтые волосы рассыпались по плечам, царапина на лбу сильно кровоточила. Но пострадавшая была жива, и с черепом у нее тоже все было в порядке – пока что.

Не сводя глаз с лошади, Леони принялась сворачивать из веревки лассо. Она действовала плавными, неторопливыми движениями, продолжая ласково бормотать под взорами всех собравшихся. Затем, не прерывая речи, широкой дугой закинула лассо. Петля оказалась точно на шее животного, и конь с громким ржанием встал на дыбы. Леони опять переместилась влево-вправо, сильно, но аккуратно натягивая веревку.

Высокая девушка, передавшая Нине веревку, сделала шаг вперед, однако Леони коротко и резко качнула головой.

– Не мешай, – тихо произнесла Нина.

Четко очерченные скулы девушки покраснели.

Леони медленно приблизилась к скакуну, положила ладонь ему на шею и стала перебирать гриву, откидывая пряди назад, на холку.

– Испугался, да? – проговорила она на земенском, осторожно продвигаясь к лошадиному боку.

Нагнувшись над стременем, Леони знаком велела пленнице, которая следила за ней остекленевшим взглядом, не шевелиться, чтобы не дай бог снова не испугать животное. Нина очень надеялась, что девушка в этом состоянии способна хоть немного соображать.

– Все хорошо, – проворковала Леони. Высвободив ногу бедняжки из стремени, она дернула за веревку и увела лошадь.

Еще несколько мгновений девушка лежала в воде, потом всхлипнула и села. Ее спутницы подбежали к ней и помогли выбраться на берег.

Леони подвела коня к Нине и рослой фьерданке.

– Есть предположения, что могло напугать коня? – спросила она на земенском.

Нина перевела, однако высокая девушка лишь прищурила глаза цвета меди.

– Что вы здесь делаете? – с подозрением спросила она.

– Помимо того, что спасаем жизнь твоей подружки? – вопросом на вопрос невозмутимо ответила Нина.

– Она вряд ли бы умерла.

– Вот как? Ну, да, разве что истекла бы кровью, отключившись после сотрясения мозга, или впала бы в кому от удара копытом по черепу.

– Все было под контролем, – упорствовала фьерданка. Подняв взгляд на деревья, она заметила: – Вы пришли из северного леса. Там ничего нет.

– Мы это уже поняли. Недавно в этих местах. В Гефвалле считается преступлением гулять по окрестностям?

– Сверху хорошо виден завод.

– А-а, – протянула Нина и обернулась к Адрику с Леони. – Сооружение, что мы видели, – это завод. – Лучше продолжать притворяться на случай, если кто-нибудь из этих девушек знает земенский. Нина вновь посмотрела на рослую фьерданку. – Мы решили, это какая-то крепость. И что же делают на этом заводе? – невинно полюбопытствовала она.

– Это не мое дело, как, впрочем, и не ваше. Вы остановились в монастыре?

Что еще известно этой девице и почему она настроена так враждебно? Возможно, она сестра солдата и с детства приучена никому не доверять. Пальцы Нины дрогнули, она почувствовала, как в рукаве ожили костяные дротики. Она не хочет причинять вреда незнакомке, но, если придется, сделает это. Вовсе ни к чему разносить по округе новость, что какие-то чужаки бродят по лесу и наблюдают за военным заводом. Стиснув кулаки, высокая девушка неожиданно проговорила:

– Я… Вы ведь не скажете Матери-хранительнице, что видели нас?

Теперь причина ее настороженности стала понятна. Ворованная армейская форма. Вылазка в лес среди бела дня. Она перешла бы в нападение, если бы не страх быть раскрытой.

– Вы все – послушницы? – спросила Нина.

– Мы обучаемся в монастыре. Потом одних выдадут замуж, а другие станут девами-хранительницами источника и посвятят себя Джелю. – Судя по интонации, ни та, ни другая перспектива девушку не прельщала.

Состроив серьезную мину, Нина вдруг осознала, что копирует поведение Матиаса.

– Верховая езда, мужской наряд, гулянки по лесу без сопровождения… С нашей стороны было бы безответственно не сообщить об этом Матери-хранительнице, особенно учитывая ее гостеприимство.

Лицо девушки приобрело мертвенно-бледный оттенок, и Нину кольнула жалость. Если фьерданка на самом деле ей ровесница, то для послушницы она старовата, как и ее подруги. Выходит, вся компания состоит из тех, кому не повезло, кого не сочли достойными замужества? Какая судьба уготована фьерданским женщинам, которые не стали женами и матерями? В Равке много плохого, однако там Нине, по крайней мере, позволили пройти военную подготовку и стать солдатом, как она и хотела.

Дали свободу, шанс сражаться и умирать в бою наравне с мужчинами?

Да, Матиас. Свободу.

Интересно, что бы он сказал об этих девушках в краденой униформе?

– Где вы взяли мундиры? – задала вопрос Нина.

– В монастырской прачечной. Солдаты отдают его в стирку.

– Значит, вы еще и воровки. – Несмотря на сочувствие к этим девушкам, покрывать их Нина не собиралась.

– Мы взяли одежду на время! Просто ради шутки. Этого больше не повторится.

А вот это сомнительно. Девицы явно не впервые «брали на время» форму и лошадей. Издалека их вполне можно было принять за солдат, патрулирующих округу, и подобная вольница в обычной жизни им просто не светила. Но какова цена этого удовольствия? Нина и представить не могла, что ждет беглянок в случае разоблачения.

– Что ты об этом думаешь, Адрик? – Как полагалось добропорядочной фьерданской девушке, Нина оставила решение за мужчиной, пускай и чужестранцем.

Адрик окинул послушниц оценивающим взглядом, изобразив задумчивость.

– Хорошо, – промолвил он. – Мы ничего не скажем.

Нина кивнула девушке. Высокая фьерданка облегченно выдохнула. Ее подруги, усадив пострадавшую на коня, тоже заметно повеселели.

– Доставьте ее домой и проследите за самочувствием, – велела Нина с напускным превосходством примерной ученицы, ни разу в жизни не нарушившей правил. – В сегодняшней вечерней молитве вознесите благодарность Джелю за то, что не покарал своих дочерей за легкомыслие.

Рослая девушка поклонилась.

– *Djel jerendem*, – произнесла она и вскочила в седло.

– И больше не попадайтесь нам на глаза! – воскликнул Адрик на корявом фьерданском.

– Да, господин. Ни в коем случае, – пообещала девушка, однако Нина успела заметить в ее золотисто-медных глазах непокорный блеск. Других можно принудить к послушанию, но только не эту. Она – другая. Эта фьерданка снова возьмет коня и поедет кататься. Она будет охотиться; если нужно – драться. Только так она может чувствовать себя живой.

Когда послушницы скрылись из глаз, Нина заметила:

– Эти будут молчать.

– Да уж, – согласился Адрик. – Они до смерти перепугались, что мы наябедничаем Матери-хранительнице. Ну, давайте возьмем образцы воды и отнесем их в конюшню.

Нину, однако, что-то удерживало на холме. Шепот в голове возобновился, и на этот раз она его не отгоняла.

– Я хочу еще раз взглянуть на завод.

– Зачем?

Как объяснить?

– Я… Просто мне кажется, мы не все рассмотрели.

Голоса в голове шумно вздохнули.

Адрик смерил ее скептическим взглядом.

– Иди, только будь осторожна. И ни во что не ввязывайся, слышишь?

Нина кивнула, но, видимо, выражение ее лица Адрику не понравилось.

– Нина, повторяю, ни во что не ввязывайся. Если тебя схватят, под ударом окажется вся наша работа во Фьерде. Это не просьба, а приказ.

– Слушаюсь. – Нина произнесла это, не выдав овладевшего ею отчаяния. Умение подчиняться никогда не входило в перечень ее достоинств, а кроме того, она слишком долго принимала все решения самостоятельно. И все же Нина хотела стать хорошим солдатом для Равки, а значит, должна была заново научиться беспрекословно выполнять приказы.

Трассел не любил подчиняться. Я задабривал его кусочками мяса.

Да что ты говоришь, Матиас! Мне тоже попытаться задобрить Адрика, когда он выбесит меня в следующий раз? Я не волк. *Я воспитанная дама… хотя мясо – это здорово.*

– Мы с Леони возьмем несколько проб отсюда и еще из притока поближе к городу, – сказал Адрик, и Нина порадовалась, что он не умеет читать мысли. – Возвращайся до темноты.

Нина направилась к деревьям. Приближаться к заводу она не торопилась – выжидала, чтобы случайно на кого-нибудь не нарваться. В этот раз она избегала дороги и, поднимаясь по склону, прислушивалась к голосам. Нина уже не считала, что их возбужденная интонация ей всего-навсего мерещится, и позволяла шепчущему хору вести ее все дальше на восток. Взволнованный шелест заставлял переставлять усталые ноги; голоса становились все громче и теперь уже напоминали оживленный гул зрителей перед началом пьесы. Или казни.

Солнце уже клонилось к закату, когда впереди снова замаячила старая крепость. *Почему если приключение, то непременно будешь топать целый день?* Каким-то образом Нина вышла к заводу с другой стороны, оказавшись у восточного крыла. С этого места открывался обзор на грунтовую дорогу, что вела к еще одним воротам, которые охраняла парочка скучающих солдат. Эта часть крепости, по всей видимости, пребывала в запустении. Некоторые окна разбиты, никаких следов человеческого присутствия. Отсюда она лучше могла разглядеть резервуар: его сохранившаяся стена имела форму гигантского ясеня; толстые ветви и узловатые корни, грубо вытесанные из бугристого камня, лучами расходились в стороны. Вне всяких сомнений, при постройке плотины этот резервуар получил благословение Джеля. Перед любым источником воды, природным или рукотворным, везде, где вода использовалась человеком, фьерданцы возносили молитвы: на мельницах и в гаванях, на огромных северных рудниках, где священные слова каждый год высекали во льду. У основания плотины, там, где находились ворота шлюза, Нина увидела кучи утопавшего в болотистой почве мусора. Загрязнение вод Джеля во Фьерде каралось смертью. Видимо, местные солдаты не отличались особой религиозностью.

Смотреть здесь было не на что, однако голоса в голове Нины уже не шептали, а прямо-таки кричали, и не от возбуждения, а как будто от боли.

Нина потянулась к магической силе – той, что создал в ней парем, – и ощутила течение невидимой реки, мощный и неудержимый поток. Это была смерть в чистом виде, холодная и неумолимая. Нина сосредоточилась. Теперь она чувствовала, где волны накатывают и отступают, а где поток клубится, закручиваясь в водоворот. Она позволила разуму погрузиться в эту холодную стремнину, чтобы отыскать голоса.

Где вы? спросила она тьму. *Кто вы?*

Девушка ахнула: течение подхватило ее, словно пытаясь увлечь за собой, утянуть в глубину. Стоны, плач и вой разрывали голову. Смерть пришла за ней, поняла Нина. И, может быть, какая-то часть ее души хотела покориться неизбежному.

Нина, вернись!

Вода уже не была холодной. Она стала приятной и ласковой, точно приглашала к себе.

Нина, не поддавайся!

Она распахнула глаза, вновь очутившись в мире живых. Птичье пение, влажный запах земли под сапогами, шорохи в зарослях. Нина посмотрела на возвышающуюся впереди громаду завода, и кровь у нее в жилах заледенела. Голоса больше не кричали, но продолжали тихо плакать. Теперь Нина знала, кому они принадлежат. Сотням мертвых женщин и девочек. Здесь, на вершине холма, ее окружали могилы.

6
Николай

Николай и Толя доставили Давида с Надей в столицу, воспользовавшись туннелем, который соединял Золотое Болото с Большим дворцом: целых пятнадцать миль под землей. Бедный Толя всю дорогу что-то бормотал себе под нос, причем в стихах.

Николай охотно избавил бы Толю от этой психологической травмы и пощадил собственные уши, однако начальник личной стражи убедил короля, что выдержит путешествие. Кроме того, Николаю сообщили, что за последние несколько дней количество пилигримов, разбивших лагерь под стенами дворца, возросло и что некоторые требуют высочайшей аудиенции. Не хватало еще, чтобы какой-нибудь рьяный фанатик бросился под копыта коня королевскому всаднику. Нет, сегодня Николай не собирался плодить мучеников.

Они вышли из-за шумного искусственного водопада, расположенного неподалеку от конюшен. Путь к нему охраняли двое самых надежных стражников. Белые с золотом мундиры, темные волосы аккуратно уложены на косой пробор, на лицах торжественное равнодушие солдат, вытянувшихся по стойке смирно. Похожие, словно родные братья, эти двое различались по характеру как день и ночь. Трухин – неизменно веселый и бойкий, Исаак – до того застенчивый, что с трудом мог смотреть собеседнику в глаза.

Когда отряд Николая появился из-за живой изгороди, охранники не выразили ни малейшего удивления.

– Трухин, я пропустил что-нибудь интересное? – осведомился король.

На суровом лице стражника тут же расцвела непринужденная улыбка.

– С возвращением, ваше величество. Ничего особенно интересного, разве что инферны подожгли лес за озером.

Похоже на Кювея. Николай восхищался талантом молодого шуханца устраивать хаос, тем более что этот юный инферн – Зоина забота, не его.

– Неплохо.

Улыбка Трухина потускнела.

– В кольце огня оказался министр обороны. К счастью, он не пострадал.

– Хорошо еще, министра финансов не подпалили. *Cav anenye*? – обратился Николай к Исааку на земенском. Способности этого стражника к языкам правитель открыл еще во время военной службы в Хальмхенде и всячески их поощрял.

Исаак коротко поклонился.

– Акцент все менее заметен, ваше величество.

– Исаак, ты мне льстишь.

Стражник робко кашлянул.

– «День» по-земенски – *can*, не *cav*. Если, конечно, вы не интересовались моим ослом.

– Твоему ослу я желаю исключительно здоровья, и все же не стесняйся поправлять меня, если я делаю ошибки.

– Слушаюсь, ваше величество. – Исааку явно было неловко.

– Не волнуйтесь, – сказал Николай, когда они направились прочь от садов к Большому дворцу. – Такое случается не часто.

Простые, привычные слова. И с каждым днем они все меньше соответствуют действительности.

За деревьями показались золоченые террасы дворца, выстроенные одна над другой, словно глазированные слои самого дорогого в мире торта. Предшественники Николая Ланцова наслаждались излишеством во всем – кроме хорошего вкуса… Впрочем, сейчас ему не сюда. Николай свернул налево, к Малому дворцу, оставил рощу позади и вышел к месту, откуда во

всей красе были видны золотые купола дворца и переливающееся на солнце голубое озеро с крохотной точкой островка в самом центре.

Король Равки проводил здесь много времени, и все же это место каждый раз удивляло его… Устремленные ввысь башни, старинные стены из дерева, инкрустированного перламутром, украшенные затейливой резьбой с изображением разнообразных зверей и растений. Николаю всегда казалось, что он ступает на неизвестную территорию, переходит из нового мира на темную сторону, где совершаются сомнительные сделки. Пожалуй, не стоит зачитываться романами.

Повсюду мелькали яркие кафтаны гришей – униформа, носить которую Толя и Тамара отказывались наотрез, предпочитая оливково-серые куртки солдат Первой армии. При этом близнецы оставляли руки обнаженными, демонстрируя окружающим символы Солнечной святой, вытатуированные на бронзовой коже.

Зоя и Женя ожидали его в зале совещаний.

– Опаздываешь, – заметила Зоя.

– Я король, – парировал Николай, – и, стало быть, это вы пришли рано.

Обычно король и гришийский Триумвират собирались в Большом дворце, там же, где Николай проводил встречи с генералами и министрами. Но когда нужно было поговорить, не опасаясь чужих ушей, они приходили сюда, в покои, выстроенные Дарклингом. Этот человек как никто другой умел хранить секреты. Окна в зале совещаний отсутствовали, в него вел единственный вход, добраться до которого можно было лишь непосредственно из Малого дворца. По стенам зала были развешаны карты Равки, выполненные в старинном стиле. Окажись Николай здесь ребенком, карты привели бы его в восторг.

– У нас проблема, – без предисловий начал он, усевшись во главе стола и водрузив на колено чашку с чаем.

– Сообщать, что у нас проблема, – все равно как говорить, что Толя голоден, – заметила Зоя, не обращая внимания на злобную гримасу Толи и спокойно наливая себе чай из самовара. – Это должно меня удивлять?

Она была одета в синий шерстяной кафтан – в холодную погоду такие носило большинство эфиреалов, – с вышивкой серебром на манжетах и по подолу и с песцовой опушкой на вороте. Несмотря на утомительно-долгий обратный путь в Ос Альту, усталой она не выглядела. Зоя всегда держалась, как настоящий генерал, и безупречный внешний вид был частью ее доспехов. Николай бросил взгляд на ее идеально вычищенные сапоги – эта черта вызывала в нем уважение.

– На сей раз проблема прямо-таки головоломно-увлекательная, – уточнил Николай.

– О, нет, – простонала Женя. – Когда ты так говоришь, это означает, что все плохо.

На ней был кафтан традиционного цвета корпориалов – красного, лишь чуточку темнее, чем оттенок волос девушки, – с темно-синей вышивкой. Это сочетание цветов использовала только Женя и ее подразделение портных. Манжеты и подол Жениного кафтана украшал золотой кант, а глазную повязку – золотое солнце, в память об Алине Старковой. Николай добавил изображение солнца к геральдическим символам рода Ланцовых: этот жест был продиктован как личным уважением, так и необходимостью выразить согласие с общим мнением.

И хотя Алина давно погибла, Николаю порой казалось, что она все еще рядом, что вместе с ними переходит из зала в зал; ее присутствие ощущалось так же явственно, как жар летнего светила.

Король постучал ложечкой о чашку.

– Давид и Надя почти доработали систему вооружения моросеев.

Давид не потрудился оторваться от чтения: он принес с собой трактат об осмотических фильтрах, который Николай считал крайне полезным.

– Женя, ты права. Проблема весьма серьезная.

Женя искоса посмотрела на Николая.

– Это ты к чему?

– Начинает с хороших новостей, – сказала Зоя. Обменявшись с Николаем взглядами, она продолжила: – На торговом съезде в Ивце к королю подошел Хайрем Шенк. Керчийскому Торговому совету известно о нашем подводном флоте.

Тамара с досадой оттолкнула свой стул.

– Черт! Так и знала, что на старом заводе завелась «крыса». Надо было поскорее перебираться в Лазлайон.

– Рано или поздно они все равно бы узнали, – пожал плечами Толя.

– Подводные суда вполне могут применяться в мирных целях, – пробормотал Давид. – Для научных исследований, например. – Он не любил считать себя создателем оружия, однако подобную наивность члены Триумвирата позволить себе не могли.

Тамара прислонилась к стене, опершись о нее каблуком.

– Давайте не будем притворяться, будто не знаем, зачем Керчии понадобились наши «акулы».

Хайрем Шенк и другие члены Торгового совета утверждали, что моросеи им нужны для обороны от шуханских соседей и на случай блокады со стороны Фьерды. Николай, однако, знал истинную причину. Все знали. Настоящая цель Керчии – земенский флот.

Новый Зем строил свои собственные корабли, осваивал новые торговые пути и более не нуждался ни в керчийских портах, ни в керчийских судах. У могущественной Керчии, королевы морей и, бесспорно, сильнейшей торговой державы, впервые появился конкурент. Вдобавок Новый Зем обладал несравнимыми преимуществами – такими, как обширные пахотные земли, лес и богатые копи. По правде говоря, Николай завидовал бурному развитию молодого государства. Вот каких успехов способна достичь нация, если границы не осаждает враг и над страной не висит постоянная угроза войны. Однако, если керчийский Торговый совет осуществит план и закупит равкианских «акул», земенским кораблям не поздоровится. На них будут нападать в каждом секторе моря, и тогда Керчия восстановит свое морское владычество, которое сделало ее одной из богатейших и сильнейших стран мира, несмотря на крохотные размеры.

– Новый Зем – сильный союзник, – высказал мнение Толя. – Поддерживает нас, в отличие от остальных.

– А как быть с долгами? – Тамара скрестила на груди руки. – Керчия держит Равку на финансовом крючке. Торговый совет может раздавить нас одним росчерком пера.

Николай посмотрел на карту. На юге – Шухан, на севере – Фьерда; Равка зажата между ними. Если его страна не сумеет сохранить рубежи в неприкосновенности, то превратится в поле битвы между двумя великими державами, а ведь Николай обещал своему народу мир, возможность восстановить разрушенное. И Фьерда, и Шухан имеют сильное регулярное войско, тогда как равкианская армия истощена и потрепана годами сражений. Возглавив армию после гражданской войны, Николай понимал, что по численности его войска заметно уступают неприятельским. Единственный шанс Равки выстоять – всегда держаться на шаг впереди врага за счет новых технологий. Равка больше не хочет воевать. *Николай* больше не хочет воевать. Однако чтобы строить летательные аппараты, корабли или производить оружие в сколь-нибудь серьезных количествах, необходимы деньги и ресурсы, помочь с которыми могла только Керчия. Решение казалось простым, только вот простым оно быть не могло, даже если опустить соображения чести и союзничества.

– Вы оба правы, – сказал Николай. – Нам нужен Новый Зем, и нам не обойтись без Керчии. Но в одном танце с двумя партнерами сразу не станцуешь.

– Допустим, – произнесла Зоя. – Тогда кого мы выберем в провожатые, когда танцы закончатся?

Тамара стукнула каблуком по стене.

– Керчию.

– Давайте не будем торопиться с решением, – предложил Николай. – Выберешь не того, и вечер принесет одно разочарование. – Он достал из кармана и поставил на стол флакон с мутно-зеленой жидкостью.

Зоя со свистом втянула воздух, Женя подалась вперед.

– Это то, что я думаю? – спросила Зоя.

Николай кивнул.

– Благодаря сведениям, которые удалось вытянуть из Кювея Юл-Бо, наши алкемы вот-вот изготовят антидот для парема.

Женя сложила ладони вместе. В ее единственном янтарном глазу блеснула слеза.

– Значит…

Как ни больно разрушать ее надежды, но все должны представлять реальное положение дел. Николай решительно произнес:

– К сожалению, для антидота требуется огромное количество юрды. В десять раз больше стеблей, чем необходимо для производства одной унции парема.

Зоя взяла флакон, покрутила его в руках.

– Юрда растет только в Новом Земе, другой климат ей не подходит.

– Антидот нужен, – заявила Тамара. – По донесениям наших шпионов, и Шухан, и Фьерда все ближе к разработке относительно безопасной формулы парема.

– Еще больше гришей попадет в плен, – проговорила Зоя, – еще больше их превратится в оружие против Равки. Еще больше погибнет. – Она вернула флакон на место. – Если отдадим Керчии чертежи моросеев, то потеряем земенцев как союзников и лишимся шанса защитить гришей в Равке – а может, и во всем мире, – от парема. – Щелчком пальца Зоя заставила флакон медленно вращаться по кругу. – А если откажем керчийцам, то не получим денег на достойное снаряжение Первой армии. Куда ни кинь, везде клин.

– В таком случае, обратимся к дипломатии. – Женя посмотрела на короля. – Езжай в Керчию, потом в Новый Зем. Проверни этот номер, когда ты сыплешь словами и морочишь людям головы, говоря о самых простых вещах.

– Чесать языком я люблю, это да, – ответил Николай, – но, боюсь, это еще не все дурные вести.

Женя сползла в кресле.

– Не все?

– Это же Равка, – вставила Зоя. – Плохих новостей мало не бывает.

Николай знал, что этот момент когда-нибудь наступит, и все же мечтал выдумать хоть какой-нибудь предлог, чтобы прервать совещание. *Простите, друзья, я должен отлучиться в оранжерею по делу государственной важности. Обрезка пионов, видите ли.* Все присутствующие были в курсе, что с ним происходит, однако Николаю до сих пор казалось, что он скрывает грязную тайну. Он не хотел впускать демона в эти стены, но дольше молчать не мог.

– Во время нашей с Зоей поездки мной снова завладел монстр. Я сбежал из усадьбы князя и совершил восхитительный полет, приземлившись на крыше гусиной фермы.

– Но сонное зелье… – начала Женя.

– Монстр становится сильнее, – перебил Николай. Ну вот, он сказал это вслух. И голос не дрогнул, и внешне он остался спокойным, хотя лучше бы ему поперхнуться этими словами.

Женя поежилась. Она как никто другой понимала, какая жуткая тьма поселилась внутри Николая. Демон был связан с ничегоями, теми же чудовищами, что терзали ее. Она предала Дарклинга, и за это он натравил на нее своих теневых солдат. В схватке с ними Женя потеряла глаз, а их укусы оставили на теле глубокие шрамы, не поддававшиеся никакому портновскому искусству. Николай поражался особой жестокости этого преступления. Дарклинг отлично знал,

что красота служит Жене броней, крепким щитом, и отобрал эту красоту. Он также знал, что Николай полагается на собственную сообразительность, на свой талант выкарабкиваться из любой трудной ситуации, поэтому сделал так, чтобы демон завладел способностью Николая говорить и мыслить здраво. Дарклинг мог убить обоих, и Николая, и Женю, однако предпочел их наказать. Какая мелочность для древней силы.

– Давид, – обратилась к фабрикатору Женя. Ее лицо, обезображенное шрамами, побледнело. – Это возможно?

Давид откинул с глаз лохматые темно-русые волосы.

– После такой долгой спячки – вряд ли. Но сила, которая породила сущность внутри короля, больше обычной силы гришей. Это была скверна.

– Мерзость, – пробормотал Толя.

– Теперь мы называем это сущностью? – спросил Николай. – Я бы предпочел слово «монстр». Или «демон». На худой конец, «чудище». *Монстр – это я, и я – это монстр.*

Если бы Николай не иронизировал, он совершенно точно сошел бы с ума.

– Мы можем обозвать его хоть Марибелью, если тебе так угодно. – Зоя отодвинула пустую чашку. – Неважно, как это называется, главное – представлять, на что оно способно.

– Важно, – возразил Давид. – В том случае, если мы неправильно понимаем его природу. Ты ведь читала теорию о гришах, журналы Морозова. Сила гриша не оживляет мертвую материю и не создает живую, а лишь направляет ее. Нарушение этого принципа обязательно влечет за собой последствия.

– Тенистый Каньон, – произнес Николай. – Территория, объятая тьмой и кишащая жуткими тварями, разделяла Равку надвое, пока Алина Старкова не уничтожила Каньон в ходе гражданской войны. Однако раны остались – на месте разлома образовалась выжженная песчаная пустошь, где не растет ни травинки, как если бы Дарклинг высосал из этой земли саму жизнь. Скверна породила не только Тенистый Каньон и чудовищ, его населявших, но и теневых солдат Дарклинга, и ее же Дарклинг использовал, чтобы поразить Николая.

Давид пожал плечами.

– Эта сила непредсказуема.

– Мы не знаем, что будет дальше, – сказал Николай. – Предвкушение будущего приятно щекочет нервы, но не в том случае, когда есть риск, что демон завладеет моим разумом и станет править страной, перекусывая глотки подданным. – Он ведь на самом деле задумывался о возможной потере воли и разума, почему же и эти слова дались ему легко? Потому, что так было всегда. Потому, что он нуждался в словах – складывал из них стену, скрепляя остроумием и логикой, чтобы помнить, кто он такой, чтобы не подпускать зверя близко.

Стремясь избавиться от монстра, Николай подвергал себя пыткам жарой и холодом. Призвал на помощь заклинателей Солнца и велел озадаченным гришам испытать на нем свои способности. Попытка не удалась, единственным результатом стало ощущение, что его медленно поджаривают изнутри. Перерыв все библиотеки мира, после нескольких месяцев раскопок на руинах Прялки, агенты Ланцова обнаружили дневники легендарного фабрикатора Ильи Морозова, но и они не принесли ничего, кроме отчаяния. Отчаяние привело Николая в Ивец, к костяному мосту, где он тщетно пытался установить связь между тьмой в душе и странными событиями в разных концах Равки. Может, он надеялся, что святые даруют ему чудо? Пока что божественное вмешательство было в большом дефиците.

– Итак, проблема в следующем, – подвел он итог. – Я не могу путешествовать из-за риска, что мой секрет выплывет наружу, но в то же время не могу бесконечно прятаться за стенами столицы, потому что это вызовет подозрение и поставит под угрозу будущее Равки, как и альянс с Новым Земом и Керчией. Разве я не обещал головоломно-увлекательную проблему?

– Прости, а что в ней головоломно-увлекательного? – поинтересовалась Женя.

– Способ ее решения. – Николай откинулся на спинку кресла и вытянул ноги, скрестив их в лодыжках. – Мы устроим бал.

– Понятно, – кивнула Зоя. – Сколько я должна выпить, чтобы все это начало мне нравиться?

– Боюсь, во всех погребах Крыгина не найдется столько спиртного, – грустно сказал Николай. – И, кроме того, нам придется оставаться трезвыми. Керчийцы, земенцы, фьерданцы, шуханцы – всех пригласим сюда. Устроим представление, пускай видят, что Равка и ее король живы-здоровы.

– И все? – вздернула брови Зоя. – Уроки жонглирования брать будешь?

– Не говори глупости, – одернул ее Николай. – Жонглировать я уже умею, и в буквальном, и в переносном смыслах. Мы укрепим связи с Новым Земом…

– Но Керчия… – перебила Женя.

– И тайком покажем Керчии прототип моросея.

– Да? – удивился Давид.

– Разумеется, показ обернется катастрофой. Ну, знаете, эффектный взрыв, летящие обломки металла. Инсценируем человеческие жертвы. В общем, постараемся убедить керчийцев, что наши «акулы» ненадежны, и тем самым выиграем время. – Король почти чувствовал, как демон втягивает когти и отступает: любые активные действия Николая ослабляли монстра. – Созовем дипломатов, купцов, политиков, разговорим, а сами станем слушать. Зоя, пускай твои шквальные создадут акустическую карту, чтобы мы слышали все, что происходит в каждом уголке дворца.

– Мне это не нравится, – заявил Толя.

– Я так и думал, – улыбнулся Николай.

– Шпионить за гостями – неэтично.

– Именно поэтому твоя сестра возглавляет разведывательную сеть Равки. Короли нуждаются в шпионах, а шпионам недосуг думать об этичности. Тамара, обеспечишь нам глаза и уши?

– Легко.

– Значит, эта часть работы за тобой.

Тамара задумалась, потом сказала:

– Идея обработать всех сразу неплоха, но под каким предлогом собрать здесь и союзников, и врагов, не вызвав еще больше подозрений?

– Можем отметить праздник твоего святого! – с воодушевлением предложила королю Женя.

– Нет, – возразил Николай, – не хочу ждать до Дня святого Николая. – Демон тоже ждать не будет. – Празднество должно состояться через полтора месяца. Назовем его… Фестивалем осенней чепухи или как-нибудь так. Осеннее равноденствие, дары природы – очень символично.

– Полтора месяца? – воскликнула Женя. – Мы не успеем организовать праздник такого масштаба за шесть недель. Одно только обеспечение безопасности займет…

– Если бы этим занималась не Женя Сафина, а кто-то другой, я бы волновался, – озорно подмигнул Николай.

Зоя устало закатила глаза.

– Не надо ей льстить, она и без того много о себе воображает.

– Пусть продолжает, – сказала Женя. – Давид никогда не говорит мне комплиментов.

– Разве? – Давид рассеянно похлопал себя по карману. – Где-то тут у меня есть список твоих достоинств, который ты мне давала.

– Видите, что мне приходится выносить.

– Я обязан следить, чтобы Женя всегда была в хорошем расположении духа, – пояснил Николай, – иначе она меня заклюет.

– Не боишься, что *я* тебя заклюю? – полюбопытствовала Зоя.

– А это в любом случае неизбежно. Но ты глуха к комплиментам.

Зоя повела плечами.

– Предлагаю задабривать меня деньгами и драгоценностями. – Она встала, и Николай увидел, что она уже обдумывает задачу, как генерал, выстраивающий схему сражения. Зоя принялась мерить шагами пятачок перед картой. Тенистый Каньон за ее спиной то исчезал, то появлялся вновь. – Если мы собираемся задействовать такие силы, нужен повод посерьезнее, чем праздник снопов и тыкв.

– Зоя, – предостерегающе произнес Николай. Он прекрасно понял, о чем она думает.

– Это отличная возможность подыскать тебе невесту.

– Ни в коем случае.

На лице Зои расцвело довольное выражение женщины, выигравшей спор еще до его начала.

– Поскольку, как ты сам сказал, путешествия тебе противопоказаны, необходимо, чтобы невеста прибыла к королю сама.

Николай покачал головой.

– Мне нельзя вступать в брак. Риски слишком велики.

– Именно поэтому ты должен жениться, – убеждала Зоя. – Мы соберем здесь самых влиятельных людей. Я даже готова поверить, что тебе хватит таланта и шарма обвести врагов вокруг пальца, но сколько времени мы этим выиграем? Полгода, год? А что потом, ваше величество?

– Это действительно идеальный повод пригласить всех в гости, – заметила Женя.

Николай с досадой поморщился.

– Говорил же, что вы меня заклюете. Правда, не предполагал, что так скоро.

– Николай, – тихо промолвила Зоя, – ты сказал, что монстр набирает силу. Если так, женитьба – лучший для тебя выход.

Единственный выход, прочел он между строк. Равке нужна королева. Николаю нужен наследник.

И все же каждая клеточка его души восставала против этого решения. Сейчас столько дел! Ухаживать как положено ему просто некогда, да и жениться на едва знакомой девице не резон. Он не осмелится открыть свою темную тайну чужому человеку – опасность для его избранницы чересчур велика. Логичные доводы. Веские причины отказаться. Только вот монстр уже запустил в действие часовой механизм.

Николай огляделся. Эти люди знают его как никто. Верят ему. Но демон, скрывающийся у него внутри, способен все изменить. Что, если монстр продолжит набирать силу, разъедая сдерживающие его оковы, и в конце концов уничтожит волю Николая, опору, благодаря которой он держался так долго? *Мерзость*. Николай вспомнил, как передернуло Женю. Что, если утопающий – это он, и он тянет Равку за собой на дно?

Николай тяжело вздохнул. К чему оттягивать неизбежное? Уж лучше расстрел, чем долгие пытки.

– Надо будет составить список претенденток, – сказал он.

– Уже, – ответствовала Зоя.

Определенно, ей лишь бы от него избавиться!

– Ты намерена руководить этим мероприятием, как военной кампанией?

– Это и есть военная кампания.

– Мои министры и послы наверняка захотят высказать свои соображения.

– Их тоже пригласим, – не скрывая радостного возбуждения, сказала Женя и придвинула к себе перо и чернильницу. – Всех разместим во дворце. Только представьте себе все эти чаепития, ужины и танцы!

– Представляю себе все эти чаепития, ужины и танцы, – мрачно буркнул Давид.

Женя отложила перо и схватила фабрикатора за руки.

– С тебя пять ужинов и один банкет. После этого обещаю, что разрешу тебе не вылезать из лаборатории.

– Три ужина и банкет.

– Четыре.

– Ладно.

– Ты просто ужасный переговорщик, – сказал Николай. – Она согласилась бы и на два ужина.

– Правда? – нахмурился Давид.

– Нет, конечно, – заверила Женя. – А вы, ваше величество, держите язык за зубами.

Николай обратился к Толе:

– Необходимо провести дополнительные проверки систем безопасности во дворце. Подозреваем всех: слуг, стражу, придворных дам. Исходим из того, что потенциальным шпионом или убийцей может оказаться кто угодно.

– Кстати, – вмешалась Тамара, – Дуняша Лазарева мертва.

Самозванка, претендовавшая на трон.

– Кто ее убил?

– Кто-то не из наших. Известно только, что ее нашли на мостовой перед Церковью Бартера после аукциона.

Тревожно. Дуняша охотилась на него в Кеттердаме? Права на трон предъявляла не только она. Раз в два месяца непременно объявлялся новый «потерянный наследник Ланцовых», утверждавший, что ему удалось избежать кровавой расправы с королевской семьей, устроенной Дарклингом, или что он внебрачный отпрыск Александра Ланцова (а с учетом поведения покойного монарха сие вполне могло быть правдой).

Не исключено, что у Николая прав на престол меньше, чем у половины самозванцев. Из всех них он – величайший притворщик.

– Следом за ней явятся другие, – сказала Зоя. – Тоже будут называть себя Ланцовыми. Еще одна причина поскорее обзавестись наследником и обезопасить трон.

– Я сказал, что выберу невесту, значит, выберу, – проговорил Николай, стараясь не показывать своего раздражения. – Если хотите, я даже готов опуститься на одно колено и прочесть какое-нибудь любовное стихотворение.

– Я могу сделать для тебя подборку, – предложил Толя, и его лицо озарилось искренней радостью – впервые с того момента, как они спустились под землю в Золотом Болоте.

– Прекрасная мысль. Желательно что-нибудь покороче и, главное, в рифму.

Николай снова посмотрел на старинную карту Равки – яростной, безнадежной и вечно ненасытной. Равка была его первой любовью, страстью, которая вспыхнула в нем еще в годы одинокого отрочества и с годами становилась лишь глубже. Николай был готов бросить к ее ногам все, чего бы она ни потребовала. Прежде он вел себя безответственно, рискуя возлюбленной, и теперь не мог допустить, чтобы его страхи повлияли на будущее Равки.

– Разошлите приглашения, – приказал Николай. – Большой королевский роман начинается!

* * *

Остаток дня он провел, встречаясь с министрами, обсуждая планы дорог и акведуков, на постройку которых не было средств, составляя послания в Керчию с просьбой продлить сроки кредитов и отвечая на письма всем, кому не ответил раньше, начиная с губернатора Блуждающего острова и заканчивая адмиралами, просившими денег на ремонт действующих судов военного флота Равки. Все это требовало сосредоточенности, изящных выражений и бесконечного терпения – и, однако, было менее обременительным, чем выбор будущей королевы. В конце концов наступил вечер, и пришло время встретиться с Зоей и ее армией потенциальных невест.

Король и его генерал сидели в гостиной; в камине, выложенном изразцами, потрескивало пламя. Убранство комнаты все еще носило отпечаток прежнего правителя: шитый золотом двуглавый орел, тяжелые ковры, гардины из такой плотной золотой парчи, что, казалось, ее можно переплавить в монеты.

Список все не кончался, имена мелькали одно за другим, девицы, готовые выйти замуж за короля, словно бы проходили перед ним строем.

– Смотр невест – лишь повод пригласить к нам керчийцев и земенцев, – заметил Николай. – Может, используем гамбит – не будем пока назначать помолвку?

Зоя аккуратно разложила листы.

– Мы убьем двух зайцев одним выстрелом, ваше величество. Равке нужна королева, а ты пока еще завидный жених.

– Пока еще?

– Ты не стар, все зубы целы, и армия Равки еще не разбита. Подобная нерешительность не пристала королю. И вообще это на тебя не похоже.

Не похоже. Николай всегда принимал решения, не колеблясь. Ему нравилось это делать. Все равно как расчищать лес от бурелома, чтобы впереди открылась дорога. Однако когда он думал о выборе невесты, поваленные деревья становились непреодолимой преградой, а ветви загораживали свет, и Николай был даже рад оказаться в сумраке и одиночестве. Вернее, не совсем в одиночестве. Он наслаждался царившей в комнате тишиной, теплом огня и присутствием безжалостной гарпии, сидевшей напротив.

Чтобы привлечь внимание короля, Зоя с резким щелчком расправила листок бумаги.

– Принцесса Эри Кир-Табан.

– Вторая в очереди на шуханский трон, если не ошибаюсь?

– Да, и едва ли не лучший вариант. Юна, привлекательна и пользуется бешеной популярностью у своего народа. Искусна в игре на хатууре.

– Двенадцати- или восемнадцатиструнном?

– Какая разница?

– Должны же быть критерии отбора, Назяленская! Уверена, что Шухан пришлет именно ее?

– Мы пригласим всю королевскую семью, но, учитывая народную любовь к принцессе Эри, подозреваю, что старшая сестра будет только рада услать ее подальше. Если же к нам отправят одну из младших дочерей… – Зоя пожала плечами, – мы поймем, что в прочном альянсе Шухан не заинтересован. Но шуханка избавила бы нас от нужды в керчийском золоте.

– И как долго, по-твоему, Равка сохранит независимость при таком союзе? Шуханцам даже не придется идти на нас войной, мы собственноручно преподнесем им страну на блюдечке.

– Идеального выбора не существует, – заметила Зоя.

– Кто следующий?

Зоя со вздохом передала Николаю очередное досье.

– Эльке-Мари Смит.

Николай пробежал глазами листок.

– Да ей только-только шестнадцать исполнилось!

– Зато она принадлежит к одному из влиятельнейших семейств Керчии. Кроме того, Алина была всего-то на пару лет старше, когда ты выбросил на ветер семейную драгоценность, подарив ей фамильное кольцо с изумрудом.

– Мне тогда было примерно столько же.

Мысли об Алине неизменно причиняли боль. Разумеется, он сглупил, сделав ей предложение. Но в то время Николай нуждался скорее в друге, нежели в политическом союзнике. По крайней мере, он так считал.

Откинувшись на спинку кресла, Зоя смерила короля долгим взглядом.

– Только не говори, что ты до сих пор оплакиваешь нашу маленькую заклинательницу Солнца.

Да, он до сих пор ее оплакивал. Алина нравилась Николаю; возможно, он даже начал испытывать к ней более сильное чувство. Возможно, его внутренний сноб просто рассчитывал, что девушка ответит согласием. Как-никак он король, да и не урод. Однако Алина лучше других знала, на что способен Дарклинг. Может быть, она уже тогда почувствовала ту дрянь, что начала зреть внутри Николая. Даже по прошествии лет рана, нанесенная ее отказом, все еще саднила.

– Никогда не умел изображать тоскующего влюбленного, – сказал Николай. – Хотя, должен признать, люблю лишний раз продемонстрировать красивый профиль, стоя у окна с печальным взором.

– Родители так или иначе постараются поскорее выдать Эльке-Мари замуж за какого-нибудь купца. Уверена, король придется ей по душе гораздо больше.

– Нет. Дальше.

– Наташа Беритрова.

– Баронесса Беритрова?

Зоя внимательно изучила досье.

– Она самая.

– Ей пятьдесят!

– И при этом она очень состоятельная вдова, которой принадлежат земли под Карьевом – стратегически важная местность для проведения военной кампании в южном направлении.

– Зоя, нет.

Закатив глаза, Зоя взялась за следующую бумагу.

– Линнея Опьер.

– Нет.

– Во имя святых мучеников! Николай, перестань вредничать. Двадцать три года, признанная красавица, спокойный характер, одарена в математике…

Николай щелчком сбил с манжета прилипшую ниточку.

– От своей сводной сестры я другого и не ожидал.

Зоя замерла. В своем ярком кафтане она походила на прекрасную икону; отблески пламени окружали ее светящимся ореолом. Николай был готов поклясться, что ни одной другой женщине синий цвет не шел так, как ей.

– Значит, это правда?

– Такая же, как моя история.

Слухи о том, что младший сын Александра Ланцова – бастард, начались еще до рождения Николая, и он как мог старался с этим примириться. Однако тайну своего происхождения король Равки открыл лишь одному человеку – Алине Старковой. Зачем же он сейчас поделился

ею с Зоей? Алина тогда заверила Николая, что из него в любом случае получится великий монарх. Рассчитывать на подобную щедрость со стороны Зои не приходилось. Тем не менее Николай отпер ящик письменного стола и достал оттуда миниатюру, которую королева-мать передала ему перед тем, как отправиться в изгнание. Она призналась сыну, что его настоящий отец – фьерданский магнат-судовладелец, некогда служивший в Равке эмиссаром.

– Святые! – выдохнула Зоя, всмотревшись в портрет. – Сходство…

– Поразительное, знаю. – Их отличали только глаза – крохотные точки на портрете были голубыми, а не светло-карими, – ну, и борода. И все же, глядя на миниатюру, Николай словно бы видел себя в будущем – постаревшим, заматеревшим, с морщинами в уголках глаз.

Зоя швырнула миниатюру в камин.

– Зоя! – Николай рванулся к камину.

– Ты идиот? – зло спросила она.

Король хотел выхватить драгоценную вещицу из огня, но пламя уже взметнулось ввысь, и Николай отдернул руку. При виде того, как посреди рамки расплывается черная дыра, в нем вскипела ярость. Он рывком развернулся.

– Ты забываешься!

– Этот портрет – все равно что дуло пистолета, приставленное к твоему сердцу. – Зоя ткнула пальцем в грудь Николаю. – К сердцу Равки. И ты готов пойти на этот риск – ради чего? Ради глупой сентиментальности?

Его пальцы сомкнулись на запястье Зои, прежде чем она успела снова упереть ладонь ему в грудь.

– Я тебе не мальчишка, чтобы со мной играть и мне указывать. Я твой король.

Синие Зоины глаза сверкнули. Она вздернула подбородок, словно говоря: «Что за дело королеве, повелевающей бурями, до какого-то смертного короля?»

– Да, ты мой король. И я хочу, чтобы ты им оставался, даже если у тебя не хватает ума защитить свое право на трон.

Пожалуй, так и есть, однако Николай не собирался этого признавать.

– Ты не имела права.

– Имела, причем полное. Я поклялась оберегать тебя. Оберегать королевство. – Зоя вырвала руку. – Что, если Магнус Опьер окажется в этом дворце? Или вас обоих пригласят на пир в Керчии? Людям хватит одного взгляда, чтобы узнать…

– Они и так знают. – На Николая вдруг навалилась страшная усталость. – Или догадываются. Все вокруг шептались еще до того, как я появился на свет.

– От него следовало бы избавиться.

Николай стиснул кулаки.

– Зоя, ты этого не сделаешь. Я запрещаю. А если узнаю, что ты действовала за моей спиной, то лишу тебя звания, и можешь провести остаток жизни, обучая юных гришей лепить облачных зверюшек.

В течение нескольких секунд вид у Зои был такой, точно она вот-вот вскинет руки, призовет бурю и разнесет весь дворец в клочья. Но вместо этого она присела в безупречном реверансе, умудрившись этим жестом выразить еще и презрение.

– Как прикажете, *мой государь*.

– Зоя, ты на самом деле так жестока? Он ни в чем не повинен. Единственное преступление этого человека – любовь к моей матери.

– Нет, преступление в том, что он уложил ее в постель.

Николай покачал головой. Пусть Зоя режет правду-матку, если хочет. Разумеется, ему уже не узнать, была ли любовь между его матерью и настоящим отцом, и все-таки Николай надеялся, что этих двоих связывало нечто большее, нежели похоть и сожаление о содеянном.

Он посмотрел на поднос с давно остывшим ужином, взял бокал с вином и осушил до дна.

– Однажды ты перейдешь грань, и я уже не буду столь великодушен.

– Если такой день наступит, можешь заковать меня в цепи и бросить в темницу. – Зоя подошла к Николаю, забрала у него бокал и поставила на стол. – Но эту ночь в цепях проведешь ты. – Она произнесла это почти с нежностью.

Николай вздохнул.

– После сегодняшних вечерних трудов – с радостью.

Он отпер спальню ключом. Слугам разрешалось делать уборку в этой комнате исключительно под присмотром Толи и Тамары и только один раз в неделю. Камердинера у Николая не было, своим туалетом он занимался самостоятельно.

Несмотря на то, что на ночь спальня превращалась для него в тюрьму, Николай относился к ней скорее как к святилищу – возможно, единственному месту во дворце, которое принадлежало ему по-настоящему. Стены здесь были выкрашены в глубокий синий цвет моря, а карту, что висела над камином, он забрал из каюты «Волка волн» – пиратского корабля, на котором бороздил океаны в бытность Штурмхондом, корсаром и капитаном этого судна. У окна на треноге стояла длинная подзорная труба. Смотреть через нее было особо не на что – лишь на звезды и дальние дома в верхней части города, – однако уже само наличие инструмента вызывало у Николая чувство покоя, будто он надеялся когда-нибудь взглянуть в окуляр подзорной трубы и увидеть вздымающиеся волны бескрайнего серого моря.

«Морская вода у нас в крови, – как-то сказал ему один из членов экипажа. – Мы сходим с ума, если задерживаемся на берегу надолго». Николай сходить с ума не собирался – по крайней мере, от пребывания на суше. Чья бы кровь ни текла в его жилах, он рожден для королевского трона и снова приведет свою страну к победе. Но сперва нужно пережить эту ночь.

Николай сел на краешек кровати, снял сапоги, надел на лодыжки железные кандалы и улегся в постель. Зоя ждала снаружи, и за это он был ей признателен. Заковывать себя в цепи самостоятельно – вроде бы мелочь, но она позволяла Николаю еще какое-то время сохранять над собой контроль. Зоя вошла только после того, как он закрепил наручник на левом запястье.

– Готово?

Николай кивнул. В подобные моменты ее жесткость помогала переносить эту ситуацию чуточку легче. Зоя никогда не делала ему поблажек и никогда бы не унизила своего короля жалостью.

Она защелкнула специальный замок, придуманный Давидом. С резким железным лязгом его тело перетянули три цепи – на уровне колен, живота и плеч. Когда просыпался зверь, силы ему было не занимать, так что рисковать не стоило. Николай помнил об этом и уже должен был бы привыкнуть к путам, однако в который раз испытал жгучее желание вырваться.

Как обычно, он сдержался и спокойно протянул Зое правое запястье.

– А какие планы на вечер у моего дорогого тюремщика? Собираешься на тайное свидание?

Наклонившись, чтобы замкнуть левый наручник и проверить надежность креплений, Зоя раздраженно фыркнула:

– Можно подумать, у меня есть на это время.

– Зоя, мне известно, что ты по ночам где-то гуляешь, – поддразнил Николай. Его разбирало любопытство, а еще просто хотелось отвлечься. – Тебя видели за пределами дворца, хотя куда именно ты ходишь, никто не знает.

– Я много где бываю, ваше величество. А если вы и дальше намерены совать нос в мою личную жизнь, то я знаю парочку мест, куда послать *вас*.

– Скрываешь своего ухажера? Стесняешься его? – Николай сжал пальцы, стараясь выровнять дыхание.

Зоя повернула голову, и свет лампы упал на полумесяц ее скулы, позолотил темные волны волос. Николай никогда не мог равнодушно смотреть на красоту Зои и в этот момент пора-

довался, что прикован к кровати: будь его руки свободны, они сами собой потянулись бы к девушке.

– Лежи смирно, – бросила она. – Ты хуже ребенка, перекормленного сладостями.

Как хорошо, что у нее такой острый язык!

– Зоя, почему бы тебе не остаться? Развлечешь меня занимательными рассказами о своем детстве. Твое ехидство очень успокаивает.

– Может, я лучше попрошу Толю развлечь тебя поэзией?

– Вот-вот, я как раз об этом. Какое остроумие, какая язвительность! Лучше любой колыбельной.

Когда щелкнул последний замок, рукав Зоиного кафтана соскользнул, обнажив широкий серебряный браслет, охватывавший запястье: обломки костей или чего-то, похожего на зубы, вплавленные в металл. Николай никогда не видел ее без этого браслета и даже не был уверен, снимается ли он вообще. Он кое-что знал об усилителях и даже помог Алине добыть чешую морского хлыста, второй из легендарных усилителей Морозова. Существовала, однако, целая вселенная, о которой он не имел ни малейшего представления.

– Скажи-ка мне вот что, Назяленская. Давид говорил, что выход за границы силы гришей чреват последствиями. Но разве усилитель не предназначен именно для этого? В чем тогда его отличие от парема?

Зоя задумчиво провела пальцами по металлу.

– Мне кажется, парем во многом схож со скверной. Подобно скверне, парем дает огромную силу, но цена этой силы чудовищна: воля гриша, а порой и жизнь. Усилители работают иначе. Животные, чьи части тела используются для усиления, – это редкие экземпляры, связанные с изначальным сотворением мира. Когда усилитель отдает свою жизнь, это есть жертва, необходимая Вселенной. Между гришом, чья рука наносит смертельный удар, и усилителем устанавливается нерушимая связь. Это и страшно, и красиво одновременно. В свою очередь, скверна…

– Иначе говоря, мерзость. Я в курсе. Хорошо еще, что я себя люблю.

– Все гриши питают тягу к мерзости, жаждут познать, на что способны за пределами допустимых границ.

– Даже ты?

Губы Зои дрогнули в улыбке.

– Особенно я. Сила – это щит. – Прежде чем Николай успел попросить пояснений, она добавила: – Но цена такой силы непомерно велика. Когда Дарклинг попытался создать собственные усилители, результатом стал Тенистый Каньон. – Зоя подняла руку, и браслет блеснул в свете лампы. – Мне достаточно этого.

– Близнецы носят усилители из акульих зубов, – вслух размышлял Николай, – Женя – из костей пустельги. Истории их появления я слышал не раз, а ты о своем не рассказывала никогда. Почему?

Зоя вопросительно изогнула бровь. Задумчивая девушка исчезла, на короля вновь смотрела суровая воительница.

– Сталь гришей нужно заслужить, ваше величество. Как и историю. – Она встала. – Полагаю, ты просто тянешь время.

– Ты меня раскусила. – Несмотря на Зоину маску холодности, Николаю было жаль, что она уходит. – Спокойной ночи, генерал.

– Спокойной ночи, гадкий король.

Он не станет упрашивать Зою остаться. Не в его натуре – умолять, а кроме того, это противоречит негласному уговору, заключенному между ними. Они не ищут друг у друга утешения; наоборот – заставляют держать строй, стиснуть зубы и шагать. Так что он больше не станет пытаться ее разговорить. Не признается, что ему страшно оставаться наедине с тварью,

которая может им завладеть; не попросит Зою оставить лампу зажженной – сотворить это простое детское волшебство, чтобы прогнать тьму.

Когда она все же это сделала, Николай облегченно вздохнул.

7
Зоя

Когда Зоя встала с постели, небо еще не посветлело. Сперва она выполнит обычные утренние дела, а потом отправится в Большой дворец и расстегнет оковы Николая. С возвращения в столицу минула неделя, и, к радости Зои, монстр, поселившийся в теле короля, пока ни разу не проявлялся.

Тамара и Надя уже дожидались ее в соседней со спальней гостиной. Девушки сидели за круглым столом, некогда принадлежавшим личной страже Дарклинга. Надя все еще была в своем синем ночном халате, тогда как Тамара уже переоделась в форму. Руки, по обыкновению, были обнажены, на поясе матово поблескивали топоры.

– Донесения о двух новых атаках кергудов. – Тамара протянула Зое стопку листов, исписанных убористым почерком.

– Мне нужна чашка чая, – сказала Зоя. Солнце еще не взошло, а мир уже разваливается на части! В конце концов, это просто дикость. Налив себе чаю из самовара, она взяла у Тамары бумаги. Помимо этих, на столе лежали и другие. – В каком месте они напали на сей раз?

– Троих гришей похитили в Сикурске и еще восьмерых – к югу от Карьева.

Зоя резко выпрямилась.

– Так много?

Используя свои запасы юрды-парема, шуханцы создали бойцов нового типа, солдат, улучшенных с помощью портновского искусства: фабрикаторы сделали их более сильными, снабдили крыльями, утяжеленными кулаками, неломающимися костями и обостренными чувствами. Это и были кергуды.

– Расскажи ей про остальное, – сказала Тамаре Надя.

Зоя пристально посмотрела на Тамару.

– Это еще не все?

– Мы в Равке, не забыла? Гриши под Сикурском передвигались тайно. Либо шуханцы пронюхали про секретную миссию, либо…

– Либо Нина права и новые солдаты способны чуять гришей, – закончила Надя.

– А Нина ведь предупреждала, – заметила Тамара.

– Предупреждала, и что? – едко отозвалась Зоя. – Как удачно, что наш добрый король отправил этот ценнейший источник информации за тысячи миль отсюда, поручив наблюдать за шуханцами.

– И правильно сделал, – сказала Тамара. – Нина была сама не своя от горя. Задание пойдет ей на пользу.

– Вряд ли этот довод нас утешит, если ее поймают и убьют, – парировала Зоя и ущипнула себя за переносицу. – Шуханцы проверяют, как далеко могут продвинуться вглубь нашей территории. Нужно поставить их на место.

– Каким образом? – поинтересовалась Надя. – Строго-настрого предупредить?

– Лучше всего вычислить их базы в Шухане, – сказала Тамара, – но, к сожалению, мои разведчики пока не обнаружили, где именно создают и тренируют кергудов.

Желудок Зои скрутило узлом при мысли об этих базах, о гришах-«добровольцах», которых в Шухане «сажали» на парем, а затем сотворяли из них чудовищ. Она взяла в руки другой листок.

– Это результаты вскрытия?

Тамара кивнула. Тела двух кергудов доставили из Кеттердама в Малый дворец для изучения. Толя возражал против этого, утверждая, что «кромсать» тело павшего воина – недо-

стойно. Однако Зоя считала иначе: когда равкианцев похищают у самых границ твоей страны, уже не до благородства.

– Этот металл, – она указала на заметки Давида на полях подробного анатомического рисунка, выполненного корпориалами, – который они используют для костей, – это ведь не просто гришийская сталь?

– Сплав, – ответила Нина. – Соединение гришийской стали с рутением. Он менее ковкий, зато более прочный.

– Никогда о таком не слыхала.

– Рутений встречается очень редко. Месторождений во всем мире – по пальцам пересчитать.

Тамара подалась вперед.

– Однако шуханцы где-то его берут.

Зоя постучала пальцем по листку.

– Найдите источник. Отследите перевалку грузов. Так мы выясним, где создают кергудов.

Тамара провела большими пальцами по лезвиям топоров.

– И когда мы это узнаем, я лично возглавлю штурм.

– Я буду рядом, – кивнула Зоя.

– А я прикрою вас со спины, – улыбнулась Надя.

Скорее бы уже, подумала Зоя, которой давно не терпелось в бой. Она посмотрела на часы на каминной полке. Пора будить короля.

Ночь выстелила землю холодным туманом, окутала призрачной дымкой деревья и выложенные камнем дорожки. Зоя шагала через лес, под сенью переплетенных ветвей. С приходом весны на них распустятся цветы – сперва белые, потом розовые, затем красные, как кровь, а пока что они голые – серая кора и шипы.

Зоя вышла к живым изгородям и обширным лужайкам, окружавшим Большой дворец. Фонари вдоль погруженных в сумрак тропинок напоминали мутные светящиеся нимбы, а сам дворец с его белыми каменными террасами и золотыми статуями, окутанными туманом, – невесту перед свадьбой. В этот тихий предрассветный час сердце Зои тоже должно было быть наполнено покоем, однако все ее мысли занимали кергуды, земенцы, фьерданцы и керчийцы.

Каждый день она готовила новых солдат в Малом дворце, занималась вопросами Второй армии. Армия, перешедшая под ее начало, росла и постепенно восстанавливалась после нанесенных Дарклингом ран – ран почти смертельных. *Как ему это удалось?* Зоя недоумевала до сих пор. Дарклинг увеличивал мощь Второй армии в течение нескольких поколений, множил численность войска, совершенствовал солдатскую выучку, укреплял собственное влияние. Дарклинг взращивал таланты молодых гришей, помогал им развивать способности, воспитывал как родных детей. И что же произошло, когда дети повели себя плохо, когда попытка Дарклинга захватить власть в Равке не удалась и часть гришей отважилась поддержать Алину Старкову, встать против него? Он их убил, без жалости и колебаний. Зоя видела, как они гибли. Сама едва не оказалась среди них.

Едва, напомнила она себе, поднимаясь по ступенькам дворца. *Но я выжила, чтобы возглавить армию, им созданную и им же чуть не уничтоженную.* Зоя поклялась, что вновь сделает Вторую армию силой, с которой будут считаться. Ее разведчики все глубже проникали на территорию Фьерды и Шухана, исследовали побережье Блуждающего острова и фронтиры Нового Зема в поисках гришей, желающих научиться воевать на стороне Равки. Зоя была полна решимости еще больше увеличить армию, собрать войско еще мощнее, чем было у Дарклинга. И все же этого недостаточно. Главная задача Зои – найти способ защитить гришей по всему миру, навсегда избавить их от постоянного страха и необходимости скрывать свои способности; создать орган управления, совет из представителей всех стран, который бы следил за соблюдением прав гришей и сурово карал всякого, кто посмел бы пленить или причинить вред

хоть одному из них. Но для того, чтобы эта мечта стала чем-то большим, нежели приятной фантазией, Равка должна быть сильной. И Равка, и ее король.

Миновав коридоры Большого дворца, Зоя приблизилась к королевской спальне. Под дверями маялись в ожидании двое слуг. Под взглядом Зои оба моментально вжались в стену, словно испуганные морские анемоны.

Она знала все их разговоры. «Наш бедный король после войны уже не тот», – шепталась прислуга, вздыхая и промокая глаза, стоило ему пройти мимо. Что ж, можно понять. Николай богат, красив, и за плечами у него трагическое прошлое – идеальная комбинация для мечтательного романтика. При худшем раскладе он отвергнет всех подходящих кандидаток в невесты, подобранных Зоей, влюбится в горничную и будет настаивать на браке по любви. Николай Ланцов всегда отличался склонностью к подобным романтическим бредням.

Зоя поздоровалась с Толей, дернула за шнурок звонка, приказывая подавать завтрак, вошла в королевскую спальню и раздвинула шторы. В окна заструился бледно-розовый утренний свет.

Николай мрачно покосился на нее с подушек.

– Опаздываешь.

– А ты прикован к кровати. По-моему, не лучший момент, чтобы проявлять недовольство, – спокойно сказала Зоя.

– По-моему, слишком ранний час, чтобы угрожать королю, – буркнул Николай.

Зоя склонилась над ним и принялась снимать оковы.

– На голодный желудок я всех убить готова, – промолвила она.

Разговор приносил ей облегчение. Эта легкая, лишенная особого смысла болтовня помогала заполнить тишину. После того, как в Ивце едва не случилась беда, они снова вернулись к обычному неторопливому распорядку, и все же Зоя никак не могла привыкнуть к этой интимности – тихий рассвет, смятые простыни, растрепанные волосы. Из-за них Зоя видела в Николае не короля, а маленького мальчика, которого срочно нужно поцеловать.

«Развлечешь меня занимательными рассказами о своем детстве», – сказал он ей. Вряд ли король найдет эти истории такими уж занимательными. *Рассказать тебе о старике, за которого меня хотели выдать замуж, когда мне было девять? О том, что случилось в день моей свадьбы? О том, что они пытались со мной сделать? О хаосе, который я оставила после себя?*

Зоя закончила возиться с оковами – при этом она старалась как можно меньше касаться теплой от сна кожи Николая, – и предоставила королю возможность умыться и одеться.

Несколько секунд спустя в дверь гостиной постучали, и вошедший слуга подал горячий чай и поднос с завтраком в накрытых крышками блюдах. От Зои не укрылся взгляд, который он исподтишка бросил на нее перед тем, как шмыгнуть прочь. Может, не стоит обращать внимания на слухи? Пускай себе болтают, что она любовница короля. По крайней мере, это избавит ее от необходимости каждый день еще до рассвета топать из Малого дворца в Большой – ночевать можно будет здесь.

Николай неторопливо вошел в гостиную: золотистые волосы аккуратно причесаны, сапоги начищены до блеска, мундир, по обыкновению, сидит безупречно.

– Выглядишь отдохнувшим, – кисло заметила Зоя.

– Я почти не спал, а проснулся от того, что спину скрутило так, словно Толя молотил по ней теннисной ракеткой. Но королю не пристало охать, драгоценнейшая Зоя. Лопаешь мою селедку?

Зоя закинула в рот последний ломтик.

– Не лопаю, а слопала. А теперь приступим…

Ознакомить короля с насущными вопросами она не успела: дверь распахнулась, и в комнату влетела Тамара, а следом за ней – Толя, оба при полном вооружении. Золотистые глаза близнецов сверкали.

– Говорите, – приказал Николай, и его расслабленный настрой моментально улетучился.

– Неприятности с паломниками, разбившими лагерь возле городских стен. Апрату очень не нравятся проявления нового культа. Он отправил к воротам Святую стражу.

Зоя вскочила. Апрату полагалось служить духовным наставником монарха, однако он оказался предателем, доставлявшим массу проблем.

Николай наспех глотнул чая и тоже поднялся.

– Наши люди на месте?

Толя кивнул.

– Сердцебиты, переодетые в штатское, смешались с толпой, снайперы заняли позиции на стенах и ближних холмах. Правда, прикрытие не слишком серьезное.

– Ты знал, что это случится? – спросила Зоя Николая, пока они с близнецами быстро шагали по дворцовым коридорам.

– У меня было предчувствие.

– И ты не предпринял мер, чтобы его остановить?

– Что именно я должен был сделать? Замуровать его в церкви?

– Я слыхала и более радикальные предложения. У Апрата нет никаких полномочий!

– Зато есть возможности, и он знает, что на вооруженное противостояние я не пойду.

Зоя с досадой поморщилась.

– Святую стражу давным-давно следовало упразднить. – Апрата охраняли боевые монахи – книжники и солдаты одновременно. В том, что они преданы священнику, а не королю, сомневаться не приходилось.

– К несчастью, это вызовет беспорядки в народе, а нам сейчас только бунта и разгула страстей не хватало. Разгул мне по душе только тот, что с танцами, но его, кажется, именуют балом. Так что за бал у нас намечается, Тамара?

– Наши агенты снуют среди паломников каждый день. Согласно донесениям, пилигримы в основном ведут себя мирно, но сегодня один из проповедников «завел» толпу, и Апрата, видимо, возмутили его речи.

У фонтана, имевшего форму двуглавого орла, выстроился отряд королевских солдат. Позади стояли запасные лошади.

– Чтобы ни один солдат в форме не выходил за городскую стену без моего приказа, – скомандовал Николай. – К толпе отправьте гришей, но и они должны действовать только по сигналу. Снайперы пускай останутся на стенах. Повторяю: ни шагу без моего прямого приказа, ясно?

Зоя понимала, что король имеет полное право командовать войсками по собственному усмотрению, верила, что близнецы прекрасно сумеют организовать сердцебитов для защиты короны, однако при мысли о том, что они угодили в подобную ситуацию, внутри у Зои все клокотало. Николай чересчур любит компромиссы. Апрат предавал всех и каждого, кто хоть раз имел глупость ему довериться. Священник – коварный змей, и, будь воля Зои, после гражданской войны она поставила бы и Апрата, и его холуев из Святой стражи перед выбором: казнь или изгнание.

Все четверо сели на лошадей и уже подъезжали к дворцовым воротам, когда Николай произнес:

– Зоя, нужно, чтобы ты успокоилась. Прежде всего, священник недолюбливает гришийский Триумвират.

– Ой, я сейчас расплачусь.

– Твоя неприкрытая враждебность делу не поможет. Апрату разрешено оставаться в Ос Альте, и ты против этого, знаю.

– Отчего же, держи его рядом. А лучше в виде набитого чучела у меня над каминной полкой.

– Образ, бесспорно, волнующий, но мы не можем допустить, чтобы он превратился в мученика. Его влияние на народ слишком велико.

Зоя скрипнула зубами.

– Он лжец и предатель. Апрат сыграл ключевую роль в свержении твоего отца. Он пытался удерживать Алину и *меня* под землей, а во время войны не оказал тебе ни малейшей поддержки.

– Все так. Если мне когда-нибудь потребуется репетитор для экзамена по истории, я знаю, к кому обратиться.

Почему король ее не слышит?

– Николай, священник опасен.

– И будет представлять еще большую опасность, если исчезнет из виду. У него очень широкая агентская сеть, а вес в обществе настолько огромен, что мне нечего этому противопоставить.

Миновав ворота, всадники въехали в верхнюю часть города.

– По окончании войны Апрата следовало предать суду, – проговорила Зоя. – Нужно было обнародовать все его преступления.

– Ты вправду считаешь, что это имеет значение? Даже если бы сама Алина Старкова в ореоле солнечных лучей восстала из Тенистого Каньона и прилюдно разоблачила священника, он все равно нашел бы способ выкрутиться, в этом его талант. Зоя, будь добра, изобрази набожность. Еретичка из тебя прелестная, но сейчас надо принять благочестивый вид.

Зоя постаралась расслабить лицевые мускулы, однако мысль о встрече с Апратом неизменно вызывала у нее смесь ярости и отчаяния.

После войны Николай заново отстроил королевскую часовню. Освятил ее сам Апрат – в знак примирения. Здесь короновали Николая, здесь на его голову возложили корону рода Ланцовых, а на плечи – побитую молью, но, как считалось, священную медвежью шкуру Санкт-Григория. Раскрашенные триптихи с изображением святых извлекли из-под руин и отреставрировали, щедро позолотив нимбы. К Илье-в-цепях и Лизавете-среди-роз добавилась Алина Старкова – беловолосая дева в ошейнике из оленьих рогов, так что теперь с алтаря взирали четырнадцать святых, вместе напоминавшие благостный хор певчих.

Зоя с трудом продержалась до конца коронации. Мыслями она возвращалась в ту ночь, когда рухнула старая часовня, когда Дарклинг уничтожил большую часть Второй армии – тех самых гришей, которых всю свою жизнь клялся защищать. Если бы не Толя с Тамарой, война закончилась бы к утру. Свою роль сыграли и бойцы Апрата – святое воинство, так называемые солнечные солдаты – молодые мужчины и женщины, почитающие заклинательницу Солнца. Многие почерпнули от нее магическую силу в решающей битве с Дарклингом в Тенистом Каньоне. Это небольшое чудо навеки вошло в наследие, оставленное Алиной и – к несчастью – укрепило власть Апрата. Невольно напрашивалась мысль, что священник имеет отношение к костяному мосту в Ивце и всплеску странных событий по всей Равке.

Когда они проехали по мосту и очутились на улицах нижнего города, стали слышны крики толпы, доносившиеся из-за двойных стен, но рассмотреть собравшихся как следует Зоя смогла только после того, как четверка спешилась и поднялась на парапет. Шок был внезапным, будто пощечина. Зоя изумленно ахнула. Это были не обычные паломники, путешествующие по всей стране и почитающие различных святых, и не приверженцы культа заклинательницы Солнца, которые часто приходили к стенам дворца, чтобы отдать дань уважения Алине

Старковой. Нет, эти люди были одеты в черное, а их знамена украшало солнце в затмении – символ Дарклинга. Они пришли поклониться тому, кто разрушил Зоину жизнь.

На высоком камне стоял молодой монах с растрепанными длинными волосами, как у стражников Апрата, однако ряса на нем была не коричневая, а черная. Высокий, костлявый и, предположила Зоя, не старше двадцати.

– Мы приходим из тьмы, – вещал он колышущейся толпе, – и во тьму возвращаемся. Где еще богатый и бедный становятся равны? Где еще каждого из нас судят единственно по чистоте души?

– Что за бред он несет? – возмутилась Зоя.

Николай вздохнул.

– Это культ Беззвездного святого.

– Они поклоняются…

– Дарклингу.

– И много ли последователей?

– Точно мы не знаем, – сказала Тамара. – О новом культе поговаривали, но чтобы такое…

Заметив короля, Апрат направился к ним вдоль парапетной стены. Его сопровождали святые стражи в униформе с эмблемой золотого солнца, символа Алины, вооруженные многозарядными винтовками.

– Все веселее и веселее, – процедила Зоя сквозь зубы.

– Ваше величество, – Апрат согнулся в глубоком поклоне, – я счастлив, что вы нашли возможность прийти сюда и поддержать меня. В последнее время вас так редко можно встретить в часовне. Порой я опасаюсь, что вы разучитесь молиться.

– Ну что вы, – ответил Николай, – просто не могу стоять на коленях. Суставы, знаете ли, болят. Вы отправили на городские стены вооруженных солдат.

– И вы сами видите почему. Слышали эти богохульные речи, эту дикую ересь? Они хотят, чтобы церковь признала Дарклинга святым!

– Вы знаете этого проповедника? – Зоя старалась говорить ровным голосом. – Он из Святой стражи?

– Этот человек – подлый предатель!

Тебе ли не знать, мрачно подумала Зоя.

– Это значит «да»?

– Монах, – подтвердила Тамара. – Юрий Веденин. Покинул ряды Святой стражи год назад. Причину мои люди не выяснили.

– Прошлое этого молодого человека обсудим в другой раз, – сухо произнес Николай. – Если ваши солдаты и дальше станут безнаказанно покидать ряды Святой стражи, это может закончиться бойней. Мученики будут появляться, как грибы после дождя, и новый культ от этого только окрепнет.

– Вы просите меня позволить этой ереси… – начал Апрат.

– Я *не прошу*, – оборвал его Николай.

Восковое лицо Апрата побледнело еще больше.

– Простите, ваше величество. Однако вы должны понять – тут решают не короли. Это война за душу Равки.

– Прикажите своим людям отойти, святой отец. Очередного кровопролития в столице я не допущу. – Не дожидаясь ответа священника, Николай быстро спустился по ступенькам. – Открыть ворота, – приказал он. – Король желает выехать.

– Уверен, что это благоразумно? – вполголоса обратилась к нему Тамара. – Я слышала, о чем болтают в лагере. Паломники тебя не жалуют.

– Возможно, они просто плохо меня знают, – бросил Николай. – Держись поблизости. Толя, проследи, чтобы Святая стража не наделала глупостей. Постарайся не подпускать их к нашим солдатам. Не хочу бунта среди моих людей.

– Я с тобой, – заявила Зоя.

Николай задержал на ней взор.

– Ты же знаешь, Зоя, я обожаю безрассудство, но в данном случае вопрос деликатный. Тебе придется прикусить язык.

– Хоть до крови. – Она собиралась поближе посмотреть на тех, кто пытается позолотить образ Дарклинга. Посмотреть и запомнить каждого из них.

Решетку подняли, король выехал за ворота и направился в гущу толпы. Все стихло. Даже если для паломников молодой правитель Равки интереса не представлял, у городских стен собралось немало другого народа: кто-то приехал в столицу по делам, кто-то направлялся в нижний город. Для них Николай Ланцов – не просто правитель и герой войны, но человек, который после хаоса гражданской войны восстановил в стране порядок, даровал мир, пообещал процветание и делал все, чтобы этого процветания добиться. Люди начали опускаться на колени.

Re'b Ravka, кричали они. *Korol Rezni*. Сын Равки. Король шрамов.

Николай приветственно поднял ладонь. Его лицо излучало спокойствие, плечи были горделиво расправлены. В мгновение ока главнокомандующий превратился в истинного аристократа.

Часть пилигримов, одетых в черное, также преклонила колени, но некоторые продолжали стоять, сбившись в кучку вокруг своего костлявого пророка, с дерзким видом маячившего на каменном уступе.

– Предатель! – выкрикнул он, глядя на приближающегося короля. – Самозванец! Вор! Убийца! – Голос его заметно дрожал.

– Определенно, человек я занятой, – кивнул Николай. Он направил коня вперед, заставив паломников расступиться, пока монах на камне не оказался лицом к лицу с ним.

Меньше двадцати, подумала Зоя, глядя на проповедника. Его хилая грудная клетка часто-часто поднималась и опускалась. Вытянутое лицо было бледным, и лишь на щеках лихорадочно алели два пятна, как у больного ребенка. Уныло-зеленый цвет глаз странно контрастировал с горевшим в них исступлением.

– Что это у него на подбородке? – шепнула Зое Тамаре.

– Видимо, пытается отрастить бороду.

Зоя вгляделась в узкое лицо.

– Лучше бы рог на лбу отрастил.

Монах замахал черными рукавами, точно ворон – крыльями перед взлетом.

– Прикажи своему попу сделать то, что должно, и признать Беззвездного святым!

– Я подумаю, – миролюбиво отозвался Николай. – Но сначала приглашаю тебя позавтракать со мной.

– Меня не задобрить! Меня не подкупить!

– Ни в коем случае, – согласился Николай. – Но чаю-то предложить можно?

В толпе послышались смешки. Напряжение на долю градуса снизилось.

Юноша вскинул руки к небу.

– Грядет Эра Святых! Знаки будут явлены повсюду, от Вечного Мороза до Сикурзоя! Не надейся поколебать мою решимость любезными речами и вежливым обхождением!

– И в мыслях не было. – Николай спрыгнул на землю. Зоя и Тамара переглянулись. Если все это – некая сложная подготовка к покушению на убийство, то король играл свою роль безупречно. – Можно встать рядом?

Молодой монах сконфуженно заморгал.

– Э-э-э, д-да?..

Король без усилия взобрался на камень.

– Я не рассчитываю тебя задобрить, подкупить или поколебать решимость своими любезными речами и вежливым обхождением, – промолвил он так тихо, что эти слова расслышал только проповедник и Зоя с Тамарой. – Твою решимость вполне может поколебать снайпер вон за тем холмиком, видишь? Отличное местечко ты выбрал: стоит мне поднять правую руку, и твоя голова разлетится, как спелая дыня. – Николай шевельнул рукой, и юноша вздрогнул, хотя король всего лишь поправил лацкан мундира.

– Я с радостью стану мучеником…

– Ты не станешь мучеником, Юрий, – так тебя зовут? Ты погибнешь случайно. Пуля оцарапает мне плечо, и я постараюсь упасть как можно эффектнее. Стрелок сознается в том, что он – наемный убийца, посланный уничтожить короля. Возможно, он даже назовет себя почитателем Беззвездного святого.

– Но это же… дикость, – пролепетал юнец.

– Не большая дикость, нежели предположение, будто король Равки собственной грудью защитит мятежного монаха от предназначенной тому снайперской пули. Это уж полная нелепица, не так ли, друг мой? – Николай вытянул руку. – Идем завтракать. Мой повар великолепно готовит свиную вырезку.

– Я не ем мяса.

– Разумеется, не ешь, – фыркнула Зоя. – Животных вы не убиваете, только людей.

– Дарклинг…

– Избавь меня от своих проповедей! – прошипела Зоя. – Если бы не слово, данное королю, я бы выпустила из тебя воздух и расплющила твои легкие, как пустые тыквы!

– Я видел, как она это делает, – вставил Николай. – Забавный звук получается.

– Типа хлопка? – уточнила Тамара.

– Нет, сочнее. Что-то вроде хлюпанья.

– Я пойду с вами, – сказал монах. – Но если не вернусь к братьям целым и невредимым, на улицах будет много крови. Будет…

– Дайте мне с ним разобраться, – попросила Зоя. – Оплакивать его никто не станет.

– Ну что ты такое говоришь, – возразил Николай. – Уверен, у этого парнишки есть мать. Верно, Юрий? Славная женщина. Живет в Вальченко, так?

Юрий схватился за грудь, словно получил удар под дых. По всей видимости, Тамарины шпионы собрали о монахе подробные сведения.

– Понимаю. – Николай похлопал юношу по плечу. – Всегда неприятно узнавать, что ты поставил на кон не только свою жизнь. Ну, идем?

Юрий кивнул, и король повернулся к толпе.

– Мы сядем и все обсудим, – громовым голосом объявил он. – Может, даже поспорим. – Николай пожал плечами. – Но если между равкианцами и есть разногласия, то только по поводу чая!

По толпе прокатилась волна хохота. Люди все еще стояли на коленях, однако теперь испытывали благодарность и облегчение: худшее миновало. Тамара отдала монаху свою лошадь, и тот вместе с королем направился обратно к воротам.

Как только они оказались внутри, к ним поспешно приблизился Апрат в сопровождении двоих охранников.

– Мы заключим его под стражу, – сказал он. – У меня к этому еретику много…

– Юрий Веденин – мой гость, – любезно сообщил Николай.

– Я непременно должен присутствовать на допросе!

– Что за странное название для завтрака.

– Вы же не собираетесь…

– Толя, – Николай обратился к шуханцу, – проводи нашего гостя в Радужную комнату. Пускай его как следует накормят и напоят. Я скоро к вам присоединюсь.

Король и его спутники подождали, пока монаха уведут. Апрату явно не терпелось что-то сказать, однако прежде чем он успел открыть рот, Николай рывком соскочил с коня.

– Святой отец, – произнес он тоном, в котором вибрировала плохо сдерживаемая ярость, – вы ошибаетесь, если полагаете, что, решив оставить вас в живых, я внезапно не передумаю. Несчастья случаются даже с верующими.

– Простите, ваше величество, но… Такому коварному типу нельзя доверять.

– Ну-ка, ну-ка, давай дальше, – сказала Зоя. – Посмотрим, можно ли умереть от избытка иронии.

– Почему этот монах покинул ряды Святой стражи? – задал вопрос Николай.

– Не знаю, – ответил Апрат. – Он был ученым, причем очень толковым. Талантливым. Выдвигал блестящие теории, хоть и необычные. А год назад внезапно исчез и только теперь снова явился на порог и начал нести эту дичь.

– Известно, где зародился культ?

– Нет. – Апрат вздохнул. – Но лично я считаю, что рано или поздно люди все равно попытались бы сделать из Дарклинга святого.

– Почему? – спросила Зоя. – Простые люди его не любили.

– В жизни – нет. А в смерти человек может стать кем угодно. Дарклинг обладал огромной властью, и смерть его была грандиозна. Порой этого достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.